ОДНА
ИСТИННАЯ
КОРОЛЕВА
КОРОНОВАННАЯ ЗВЕЗДАМИ
ДЖЕННИФЕР БЕНКАУ

Дженнифер Бенкау

Одна истинная королева. Книга 1. Коронованная звездами

«Эксмо»

2019

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

Бенкау Д.

Одна истинная королева. Книга 1. Коронованная звездами /
Д. Бенкау — «Эксмо», 2019 — (Одна истинная королева)

ISBN 978-5-04-115672-5

Юная Майлин возвращалась домой, когда внезапно все вокруг погрузилось во тьму. Она очнулась в мрачном лесу, где повсюду таилась опасность. Загадочный незнакомец спас ее из смертельной ловушки. Он предложил сопроводить девушку до столицы королевства Лиаскай. Так Майлин узнала, что переместилась в другой мир. Но только добравшись до города, она поняла, что оказалась здесь не случайно. Майлин должна стать новой королевой. Ей придется принять свою судьбу или найти способ вернуться домой. Ведь в Лиаскае королевы умирают молодыми.

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-115672-5

© Бенкау Д., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 10
Глава 3 13
Глава 4 14
Глава 5 19
Глава 6 24
Глава 7 26
Глава 8 32
Глава 9 35
Глава 10 41
Глава 11 46
Глава 12 51
Глава 13 58
Глава 14 62
Конец ознакомительного фрагмента. 65

Дженнифер Бенкау
Одна истинная королева. Книга 1. Коронованная звездами

Jennifer Benkau
One True Queen. Von Sternen Gekront

© 2019 Ravensburger Verlag GmbH
Copyright 2019 © Jennifer Benkau
© Aleshyn_Andrei, Chinawooth Sakaew, MAKOVSKY ART, Romolo Tavani, Andrekart Photography, Azamat Fisun, ollen, iiiphevgeniy, Katerina Era, Alexander_P, Bodor Tivadar / Shutterstock.com
© М. Дуденкова, перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Столько книг.
А ты берешь именно эту.

Глава 1

Сколько же мужества требуется, чтобы открыть книгу!..

«Алиса в Стране чудес». Сегодня нарушаю одно правило за другим, чего уж там, неприятностей в жизни мне хватает. Даже если бы я подожгла крышу нашего дома – это показалось бы бесцветным и невзрачным пустяком по сравнению с тем, что я натворила. Меня до сих пор трясет от ярости.

Над губой Вики коричневые усики от какао – доказательство моего последнего невинного проступка. Обычно какао ей полагается только по выходным. Но сегодня мама точно не скажет: «Вики совсем не сжигает калории, от сладкого она толстеет и болеет». У нас появятся заботы посерьезнее, когда она вернется домой.

– Ну, ты готова?

Сестра улыбается. Взгляд усталый, словно она не спала несколько дней, хотя сон ее единственное занятие. И все равно она улыбается.

Читаю медленно, делаю паузы, то и дело на нее поглядываю. Отмечаю каждое движение век, шевеление губ, малейшие признаки волнения. Как лежат ее руки – свободно и расслабленно? Как поднимается и опускается грудная клетка – мерно, в одном ритме? Многочисленные Тедди и другие плюшевые игрушки наблюдают за мной, мордочки у них вроде бы вполне дружелюбные, но осуждающие.

Кажется, Вики по душе стишок, которым открывается сказка Льюиса Кэрролла. Она вообще любит, когда я читаю ей стихи. Чувствую, первая глава ей понравилась – та, где две сестры вместе читают книжку.

И все-таки я здорово рискую. Врачи говорят, Вики нельзя смотреть телевизор, а нам не следует опрометчиво включать радио в одной с нею комнате. И если мы читаем ей вслух, то книга должна быть безвредной, без особого напряжения и конфликта. Нельзя расстраивать Вики. Никому не известно, что *где-то далеко-далеко за своей извечной усталой детской улыбкой Вики лишь* частично понимает, что может ее напугать: ведь она не различает границ между реальностью и вымыслом.

«Алиса в Стране чудес» не так уж безобидна. Но некое чувство подсказывает, что Вики надоели «Очень голодная гусеница» или «Кролик Питер», и моя связь с ней – единственное, что удерживает меня рядом. И я не позволю сомнениям оборвать нашу связь. Если это произойдет, я буду видеть в Вики только то, что самыми отвратительными словами выразила Кэтрин Пакерт.

Вот уже семь лет Виктория находится в состоянии бодрствующей комы. И все эти семь лет я каждую секунду надеюсь, что она проснется. Неожиданно, спонтанно, необъяснимо – так же, как она погрузилась в это состояние. Тогда мне казалось, что Вики унесла в свой мирок что-то очень важное. В одночасье вокруг нас с мамой стало так тихо. Жизнь, которую я знала, любила и хотела прожить, сгорела, а Вики с молчаливой улыбкой наблюдала, как остатки моего детства сыплются на нас пеплом. Очень долго я злилась на Вики, хотя и знала, что она ничего не может с собой поделать. Лишь много позже я начала бороться, и меч в руке помог принять то, что нельзя изменить.

Моей сестре уже девятнадцать. Но комната Вики выглядит точно так, как девочка ее украсила в двенадцать лет. Среди плакатов с лошадками и котятами висит один-единственный с Джастином Бибером. Даже тогда он смотрелся довольно мило. На полках – стопками комиксы, книги про лошадей и плюшевые игрушки горой, никто не знал, что еще можно подарить Вики в день рождения или на Рождество. В шкафу висит несколько ее платьев в цветочек. Так и не смогли их выбросить, словно платья волшебным образом придутся Вики впору, когда она выздоровеет и придет в себя.

А вот в моей комнате многое менялось, и не раз. Зверюшек на плакатах сменяли певцы, музыкальные группы и футболисты, пока я не сняла их со стен и не выбросила. Теперь на стенах красуются пейзажные фото – удивительные изображения самых захватывающих мест на земле, все – с других концов света. Безделушки из США, Австралии, Японии, купленные через eBay, – все мои путешествия ограничиваются альбомами и роликами на ютубе. Металлическая табличка – Лондон, рамка для фотографий – пустая. Раньше в ней было наше с Финном фото, но мы расстались, и рамку я превратила в произведение искусства. Назвала так: «Ничего, просто классная рамка». Буквы на маленькой табличке, подвешенной ниже.

Не важно, насколько разными мы стали, – между мной и Вики существует особая связь. И клянусь, эта связь никогда не оборвется. Я знаю Вики лучше сиделки – та тридцать лет проработала с *другими* людьми; лучше врача, он каждые несколько недель обследует Вики с помощью аппаратуры. И ее извечная улыбка, которую люди зовут *ничего не говорящей,* – сообщает мне о многом.

И вот я читаю, слежу за реакцией Вики, между делом готовлю вторую чашку какао и потихоньку успокаиваюсь, видя ее улыбку.

Услышав скрип ключа в замочной скважине, захлопываю книгу и засовываю ее в щель между обивкой кресла и подлокотником. Мне крышка.

– Мама пришла, – говорю, целуя Вики в щеку, – завтра продолжим, ладно?

Вики улыбается, и я выхожу из комнаты, чтобы сестра не слышала ссоры, которая сейчас непременно разразится.

– Скажи, что это все ошибка! – набрасывается на меня мама, вешая куртку в гардероб. Крючок ломается, мама шипит сквозь зубы ругательство и роняет куртку на пол.

Я закрываю дверь в комнату Вики.

– Привет, мам.

– Майлин! – Она злится.

Мама редко злится. Раздражается – да. Но нельзя упрекать за это мать, которая работает и в одиночку воспитывает двух дочерей-подростков. И при этом одна из дочерей беспомощнее младенца. «Не хотелось бы мне оказаться на месте миссис Уолш!» – говорят о маме люди. И они не имеют в виду, что рыжеватые мамины волосы давно поседели и растут так быстро, что никакое окрашивание корней не спасает.

Но мама не срывает раздражение на мне, наоборот. Обычно она всеми силами старается скрыть, насколько тяжела ее повседневная жизнь. Смотрю, как она пытается побороть усталость, – и теряюсь; все аргументы, тщательно обдуманные заранее, неожиданно кажутся бессвязными и путаными.

Поджав губы, мама проходит мимо меня и скрывается в комнате сестры, чтобы поздороваться.

Я плетусь на нашу крошечную кухню – за обеденным столом всего два стула, чтобы осталось место для инвалидной коляски. Посуда с завтрака ждет в раковине. Тьфу, опять я про нее забыла!

Мама входит на кухню, тяжело садится за стол, опершись на локти, закрывает лицо руками.

– Ты о чем вообще думала, когда хамила Кэтрин?

Между тем я наполнила раковину водой и окунула в пену первый стакан.

– Мам, тебя там не было, иначе ты бы не спрашивала!

– Позвони ей и попроси прощения. Она, конечно, в бешенстве, но, думаю, примет искренние извине…

– Мама! Не буду я ей звонить! Ты понятия не имеешь, что произошло!

– И что же произошло? – Она поднимает голову, взгляд становится колючим. – А я скажу тебе, что произошло, Майлин! Из-за твоего хамства уволилась наша сиделка, и теперь мне надо думать, как объяснить начальнице, что завтра я не пойду на работу! И послезавтра тоже! И не буду ходить до тех пор, пока у Вики не появится новая сиделка! Ты же знаешь, как тяжело было найти Кэтрин… – От ее тихого голоса мне не по себе, уж лучше бы она кричала.

– Твое поведение может стоить мне работы! Вот что произошло! *Боже мой!*

Машинально продолжаю тереть давно чистую тарелку.

– Я не могла поступить иначе.

– Хватит, Майлин!

– Но это правда, – выпустив тарелку в воду, оборачиваюсь к маме, – ты не слышала, что она сказала про Вики!

Стоит только вспомнить, и меня охватывает ярость – сердце колотится так, что в груди тесно.

– Она заявила, что Вики – всего лишь оболочка без чувства и разума, – из моих глаз градом катятся слезы, – *позабытый Смертью труп*! И Вики была рядом, мама! Она все слышала!

Мама опускает глаза.

– Она не это имела в виду. Майлин, у нее очень тяжелая работа. Это делает людей… прагматичными. – Вырвавшийся вздох больше похож на рыдание. – Да, она не имела права так говорить. Я побеседую с ней. Но и тебе нельзя грубить ей. Кэтрин утверждает, что ты обозвала ее злобной ведьмой.

– Не совсем.

– А как же тогда?

Горько усмехаюсь.

– Я назвала ее «Долорес Амбридж для бедных», – поясняю я, и лицо мамы кривится. – Откуда мне было знать, что кто-то вроде нее разбирается в «Гарри Поттере»?

Мама промолчала, но покрылась лихорадочными пятнами. Мне стоило остановиться, но слова рвались наружу.

– Мам, ничуть она не раскаивается! Она все время вела себя грубо! Стоило тебе уйти, как Кэтрин обращалась с Вики так, словно та какая-то обуза! То, что случилось сегодня, – верхушка айсберга, а…

– Закрой рот! – закричала мама. – Проклятье, Майлин, было бы из кого выбирать! Тогда уж не быть Кэтрин Пакерт сиделкой! Но у меня нет выбора, как ты не понимаешь?! Я искала неделями! Месяцами! Сейчас она единственная сиделка, квалифицированная, надежная и доступная по деньгам!

Сжимаю кулаки с такой силой, что короткие ногти впиваются в ладонь.

– Тебе просто так легче! Кэтрин презирает Вики! А ты даже мысль такую не допускаешь, потому что тебе неудобно!

– Прекрати! – шипит мама. – Ты преувеличиваешь! И пока все мы трое – да, Майлин, все трое, включая тебя! – зависим от моей работы и полученных мною денег, нам придется с этим мириться!

Вода капает с моих рук на линолеум, оставляя маленькие пятнышки на древесном узоре.

– Ты извинишься перед ней.

– Нет, мам. Ну пожалуйста! Давай поищем кого-нибудь! Если денег не хватит, я устроюсь работать. К тому же у меня есть некоторые сбережения, на Австралию. Ну не поеду туда, Австралия подождет! А пока не найдем сиделку, о Вики позабочусь я!

– Нет, Майлин.

– Доктор Мадли выпишет мне больничный, мы все ему объясним. А ерунду школьную пройду дома!

– Майлин, нет. – Мама обращается ко мне, словно к маленькому ребенку. – Школа – это важно. Это не обсуждается.

– Тогда…

– Ну, довольно! Ты должна извиниться перед Кэтрин.

– Да черта с два я извинюсь! – Кипя от гнева, бегу из кухни, но замираю на полпути. – Ты тоже веришь в пургу, которую вечно несет Кэтрин! Мол, Вики ничего не сознает, надо сдать ее в интернат! И не смотри на меня так – до меня сейчас дошло! Я не слепа и не глуха, мама! Но Кэтрин ошибается, я твердо знаю! И ты тоже знаешь! Но ты даже думать об этом не хочешь. Уверяешь себя, что Вики пустая оболочка без чувств, потому что иначе совесть не позволит тебе оставить в сиделках эту ведьму!

– Майлин, прекрати сейчас же! – Голос мамы дрожит от ужаса. Ни разу я не говорила с ней так. Кровь шумит в ушах. Губы у мамы шевелятся, но я уже не разбираю слов.

Схватив сумку, выбегаю на улицу, громко хлопаю дверью. Горящими глазами оглядываю наш маленький домик, пинком распахиваю садовые ворота и запрыгиваю на старый гоночный велосипед, притулившийся у стены рядом с бельевой веревкой.

Прочь отсюда!

Глава 2

Ветер.

Ничто не утешает меня так, как бьющий в лицо ветер. Сильными порывами ветер словно руками треплет мои волосы, от него слезятся глаза, тяжело дышать и сердце выпрыгивает из груди – на мгновение ощущаю себя свободной, будто я… настоящая. В этот миг приходит осознание: жизнь – не просто существование, а нечто большее. В шуме и свисте ветра скрыт шепот, который тихо, но внятно прочит что-то важное. Нечто такое, что я еще не нашла, что никогда не перестану искать.

Наверное, я просто чувствую себя живой. Неприлично, вызывающе и до пошлости живой, в отличие от моей сестры.

На этой дороге мне знаком каждый камень, каждый ухаб и все трещины в асфальте, его уже много лет не меняли. Почему? Дорога от города Килларни бежит меж зеленых низин и поросших сочной травой лугов к поселку на холме – здесь мы живем, и по этой дороге редко кто ездит. Глядя на горы, озера и замок Росс из раскинувшегося внизу города, чувствуешь себя как на безвкусной идиллической открытке, не хватает только коров на заднем плане. Если смотреть отсюда, то дома на холме можно принять за деревню, но вид обманчив. Всего два-три жилых дома, осиротевший склад Джона Дира, Bed & Breakfast для экономных путешественников и казино.

Запустевшая Дорога-в-никуда переходит в Мейн-стрит в Килларни, по ее сторонам плотно жмутся друг к дружке ярко раскрашенные домики с окнами и цветочными клумбами, а еще магазины и отели. Летом здесь на одного местного жителя приходится по четыре-пять туристов.

Сворачиваю в сторону от симпатичных ресторанчиков и кафе и стремительно лечу мимо булочных, фермерских магазинов и дома, в котором на верхнем этаже живут с родителями мой лучший друг Рави и его сестра-двойняшка Рина. Как заведено, на первом этаже размещается индийская забегаловка, собственность их семьи. Мистер и миссис Шарма мечтают в один прекрасный день передать забегаловку детям, но Рави и Рина переделают ее или в котокафе, или в комнату страха, чем разобьют родителям сердце. Еду сквозь густой аромат экзотических приправ и свежего хлеба. Чуть погодя проезжаю «Теско» и торможу, потому что моя цель – здесь, сразу за парковкой, где на первый взгляд нет ничего, кроме складов. Привязываю велосипед к фонарному столбу. Этот ржавый хлам достался мне по наследству от папы. Одна из немногих вещей, которые он оставил нам с Вики до того, как ушел. Мама зовет велосипед старым металлоломом и объясняет, что папа не хотел сдать его скупщику металла: говорил, мол, сломан же только переключатель скорости, а все остальное в порядке.

Ласково глажу седло и глубоко дышу. Пытаюсь выпустить остаток гнева и разочарования, но получается плохо.

Как она могла доверить Вики этой особе?

Как она может просить меня смириться с этим?

Как я могла вести себя так ужасно? Мама права – у нее нет выбора.

Голова тяжелая от мыслей, но я переступаю порог школы боевых искусств. Я живу не в Килларни, поэтому могу позволить себе некоторую роскошь – личный шкафчик, где меня ждут мой бамбуковый меч синай, темно-синее просторное кимоно ги и богу – экипировка. Богу и защитную маску мне предоставил спортивный клуб – еще один бонус, спасибо тренеру Люсинде: мы не могли позволить себе снаряжение. Сегодня они остаются висеть в шкафчике, я беру только ги и меч. Экипировка мне ни к чему: я хочу отточить свою ката, а не сражаться.

Переодеваюсь, слушая боевые кличи из додзе. Облачаюсь в кэйкоги, перевязываю растрепанные ветром локоны и по старой привычке зажимаю левую ноздрю. После перелома мой

нос немного кривой, а Рави сказал, что его можно поправить, если давить в обратную сторону. Перед тем как выйти из неуютного коридора в тренировочный зал – деревянные полы, бамбуковые перегородки, японские окна и лампы, настоящая атмосфера Дальнего Востока, – пытаюсь привести в порядок скачущие галопом мысли. Упражнения с мечом помогут, больше не буду чувствовать себя такой беспомощной.

В передней части додзе двое опытных кендока отрабатывают впечатляющую технику. Люсинду я узнаю даже в экипировке и защитной маске. Ее противник на первый взгляд кажется незнакомым. Мощный и широкоплечий – и бьется невероятно хорошо. Сильными ударами, одним за другим, он поражает броню Люсинды. Несмотря на опыт и скорость, шансов у нее нет: он потрясающе проворен и совершенно непредсказуем в движениях.

Спустя некоторое время до меня доходит, что я откровенно пялюсь на двух бойцов. Поспешно отвернувшись, кланяюсь залу и опускаюсь на пятки для короткой медитации. Затем приступаю к выполнению ката, чтобы наконец окончательно рассеять мрачный туман в голове.

Я упражнялась около получаса, и тут ко мне подошла Люсинда. Как-то я не замечала их присутствия – ее и другого бойца, несмотря на боевые выкрики, и вздрогнула, когда она приветствовала меня, сняв маску.

– Не ждала тебя сегодня, – заметила Люсинда, вытирая со лба пот. Другой боец знатно ее потрепал. Кто он – новый тренер? Незаметно кошусь на него. Он практикует сложную последовательность шагов и ударов, словно бой с Люсиндой его совсем не вымотал.

– Решила потренироваться, – ответила я, и Люсинда слегка прищурилась.

– Но толку от этого мало. Ты не в порядке. Ты, – она стучит двумя пальцами по моему лбу, – не свободна. Такие тренировки ни к чему. От них только хуже.

Некоторым ученикам не нравится ее прямолинейность. Многие уверяют, что уважают честность и прямоту – до тех пор, пока им не говорят что-то честно и прямо. Вот и я мысленно ищу оправдание. Но киваю. Увы, Люсинда права.

– Беда у тебя? – просто спрашивает она, опускаясь на пол и указывая на место рядом с собой. Я сажусь, скрестив ноги, молчу, и безмолвное ожидание Люсинды уговаривает меня рассказать ей о случившемся.

Общаться с Люсиндой мне удивительно легко, хотя окружающие, включая маму и друзей, считают меня немногословной и замкнутой. С Люсиндой все иначе. Может, дело в том, что она сама часто молчит и в этом молчании даже самые сокровенные мысли просятся наружу. Шесть лет назад, когда я только начала заниматься, я была беспокойным одиннадцатилетним ребенком, не интересовалась кэндо, просто училась защищаться. Люсинда, шестнадцатилетняя уважаемая наставница, любила «тяжелые случаи». Теперь она не просто мой тренер, но прежде всего друг.

Договариваю свою историю, и на лице Люсинды расцветает улыбка, которая кажется почти гордой:

– Рада, что ты ей ответила.

– Это было ужасно невежливо.

Люсинда качает головой.

– Накипело. Если открываешь рот только тогда, когда вот-вот взорвешься, то быстро выходишь за рамки приличия. Но бессловесность – тоже не вариант. Ты так описала эту сиделку, – она подмигивает, – что я послала бы ее куда подальше.

– Увы, но мама права, у нас не было выбора.

– Выбор есть всегда.

– Все слишком сложно.

– Это да, – сочувственно улыбается Люсинда, – но ты дорожишь сестрой?

– Конечно!

Люсинда кладет руку мне на колено.

– Когда ты только-только начала здесь заниматься, тебе дали задание. Ты должна была принять то, что не в силах изменить. Например, идиотов из школы, которые злили тебя, понося твою сестру, и уход твоего отца. Помнишь?

Молча киваю. Да, было такое.

– И ты справилась. Годы шли, и я все больше беспокоилась за тебя: ты смирилась, стала совсем замкнутой. Но сегодня ты сломала печать молчания, выпустила внутреннего бойца. Это огромный шаг. Гордись собой.

Пытаюсь улыбнуться в ответ, но улыбка выходит неуверенной.

– Полагаю, перед мамой извиниться все-таки придется?

Люсинда усмехается.

– Боюсь, что так. Но проделай ката еще раз. И почувствуй уже соответствующую гордость, ведь ты боролась за свою сестру.

Вскакиваю на ноги, кланяюсь Люсинде и додзе и снова выполняю ката.

– Ну как, лучше? – спрашиваю затем.

Люсинда улыбается.

– Этого мало. Давай еще раз. И еще. Делай, пока не расхочется спрашивать меня, достаточно ли на сегодня. Вот когда покажется собственное мнение весомым, тогда и заканчивай.

После тренировки, долгой и изнурительной, направляюсь в душ и слышу звук застегивающейся молнии в мужской раздевалке. Интересно, тот крутейший тип там? Замедляю шаг, поправляя широкую штанину кимоно, но приоткрытая дверь так и не распахивается, поэтому все-таки иду в душ. Немного погодя выхожу из душевой уже в повседневной одежде – темные джинсы и майка антрацитового цвета – прикид, за который меня часто критикуют, уж слишком он *депрессивный*, но дело в моих рыжих волосах, с которыми сочетается только что-то темно-серое или черное. Цветастый тюрбан на голове и вьетнамки на ногах дополняют мой образ – только бы по закону подлости не встретить новичка по дороге к женской раздевалке! Но дверь в мужскую раздевалку открыта, комната пуста.

В школе боевых искусств очень тихо, слышно лишь тиканье часов и негромкое жужжание автомата с напитками у выхода. Но это ненадолго: уже через полчаса начнется тренировка первогодок и куча людей набьется в тесные раздевалки. Лучше поторопиться. К тому же я не хочу откладывать разговор с мамой. «Может, черкануть ей смс», – размышляю я, вытирая ноги и натягивая носки и кроссовки. Мне по-любому еще минут сорок с лишним крутить педали под гору без переключения скоростей.

Достаю телефон – сообщение от Рави успеваю лишь быстро пробежать глазами, как вдруг дверь распахивается.

Здесь кто-то есть – я вижу тень, слышу шорох.

– Тш!

Секунда – и мир перед глазами расплывается. Ничего не вижу: все вокруг превращается в ничто. Хочу закричать – но не могу! Чувствую, что падаю, но не чувствую удара о поверхность. Падение – такое быстрое и в то же время бесконечное.

Мысли в голове кажутся до абсурда ясными и логичными – ты просто теряешь сознание, такое бывает, это просто циркуляция крови…

Но в глубине души понимаю: уж лучше бы это был обморок.

Я словно песок. С каждым мгновением рассыпаюсь на миллиарды песчинок, и бурный вихрь, подхватив меня, уносит прочь.

Глава 3

Нет.
Нет!!!
Что бы тут ни происходило – я не позволю этому случиться!
Я. Не. Позволю!

Я рассеяна.
Рассеяна ветром. Не тем ветром, которому доверяла, который делал меня свободной.
Он тащит меня, развеивает на мелкие кусочки, ведомые лишь одним инстинктом:
Я не позволю!
Освободи меня, ветер, или кто ты там есть!
Отпусти! Меня!

Ветер силен, порывист и непреклонен.
Но и я… я тоже!

Глава 4

Мокрая от росы трава липнет к щеке. Солнечные лучи и тени скользят по мне, словно радуются чему-то. Собравшись с силами, поднимаю голову, оглядываюсь вокруг. Где я и что вообще произошло?!

Я на лесной поляне, в голове эхом отдается странный гул, будто внутри черепушки ударил огромный колокол. Я что, хлебнула лишнего? Это ж сколько надо было выпить? Ничего не понимаю. Помню, что была в додзе, затем приняла душ, потом оделась… Одета я точно так же, как в воспоминаниях, – черные джинсы, майка, кроссовки с развязанными шнурками. Волосы влажные, темные. Может, я споткнулась о шнурки и крепко приложилась головой? Но что я делаю в лесу?

В траве нахожу мобильник, однако, как бы я ни давила на кнопку, экран остается черным-пречерным. Кровь стынет в жилах от мысли, что кто-то подсунул мне таблетки или еще какую наркотическую дрянь. Но поблизости ни души и никаких признаков, что со мной что-то сделали.

Мысли кристально ясны. Все чувства необычно обострены. Листья на деревьях и трава насыщенно зеленые и странно мерцающие. Ну точно наркота!

Впервые вижу эту поляну. А значит, это не Килларни и не его окрестности: там я каждую рощу знаю как свои пять пальцев. Есть одно объяснение – кто-то притащил меня сюда и этот кто-то сейчас рядом. Несмотря на жару, меня пробивает дрожь. Надо убираться отсюда, пока этот кто-то не вернулся и не сотворил со мной, что ему вздумается. Первый порыв – бежать! Устало подавляю его. Сначала неплохо бы сориентироваться. Солнце высоко, а значит, уже за полдень – меня охватывает отчаяние. В додзе я была ранним вечером! Невозможно же, чтобы я провалялась в лесу на траве целую ночь и полдня?!

Так, без разницы. Главное – не паниковать, и все станет понятно. Вдох, выдох. Буду идти все время прямо и рано или поздно выйду из леса к дороге или какому-нибудь поселку. Частенько я жалела, что в Ирландии нет настоящих лесов, но теперь мне это даже на руку.

Плутаю уже около часа, но до сих пор не видела никого и ничего – ни тебе каменной гряды между деревьями, ни речушки, впадающей в наше озеро, ни дорожных отметин, которые в Керри встречаются на каждом втором камне и на каждом третьем дереве. Тревога перерастает в дикий ужас.

Растения здесь какие-то другие. Бреду мимо голубых сверкающих грибов размером с журнальный столик. Миную дерево – его длинные узкие листья будто тянутся ко мне. Колеблемые ветром багряные и оранжевые папоротники – точно языки пламени. За мной наблюдает какая-то пичужка, оперение у нее переливается от черного до темно-бирюзового. В Ирландии такой флоры и фауны нет. Это уж точно.

– Ау? – поначалу шепчу я, делая поворот вокруг собственной оси, судорожно пытаясь побороть подступающие страхи. Что подумает Вики, если я не вернусь домой? – Ау!

А как же мама? Волнуется, ищет меня повсюду?

– Ау-у-у! – кричу я лесу.

Беспокойно вспархивают несколько птичек, но ответа нет. Темно, наверное, уже вечереет. Но плотные ветви сплетаются над головой, точно крыша, не пропуская дневной свет.

– А-а-а-у-у-у! По-мо-ги-и-и-те-е-е!

В конце концов не выдерживаю и всхлипываю. Не хочу завывать как ребенок: это ни к чему не приведет. Несколько слезинок все-таки сползают по лицу – вытираю их тыльной стороной ладони. К моему отчаянию, сумерки сгущаются. На тренировке я хорошо пропотела, а после не попила воды, и если с тех пор и впрямь прошел день, то плохо мое дело. Правда, пока я чувствую себя нормально. Пить хочется, да. Но не так, как при обезвоживании.

Совсем пав духом, припадаю к поросшему мхом корню, прячу лицо в ладонях и пытаюсь думать. Но в голове крутится лишь мысль о том, как дома меня ждет страшно встревоженная мама, как сначала она обзванивает моих одноклассников, а под конец обращается в следственные органы. Те, разыскивая меня, прочесывают леса. Пропавших после ссоры семнадцатилетних девчонок полиция сначала ищет в Голуэе, затем в Дублине и, наконец, в Лондоне. Расклеят парочку листовок с моим портретом и посочувствуют моим родным. Вот и все.

«Да соберись же ты!» – приказываю я сама себе, чувствуя нарастающее отчаяние. Здесь меня искать не будут – надо выбираться самой.

Выпрямившись, замечаю в нескольких метрах от себя маленького зверька, осторожно выглядывающего из-под папоротника. Первая мысль – обезьяна: круглая голова с крошечными ушками и огромными глазами. Но зверек делает шаг, вылезая из укрытия, – и я понимаю, что тельцем и движениями он напоминает кролика.

Пытаюсь сглотнуть, но не очень получается. Кролик с мордой обезьяны… Да чтоб тебя! Где же я?!

– Наркота, – выдыхаю я. Ну точно где-то набралась – и кто его знает почему и когда, и что вообще произошло! И сейчас ловлю неслабый приход.

Зверек нерешительно подбирается ко мне. Принюхивается – длинные усики дрожат.

Осторожно протягиваю руку.

– Что ты за чудо-юдо такое?

Зверек замирает совсем рядом, наклоняет голову и издает воркующее «фр-р-р».

– Да, и у меня денек выдался отстойным.

Медленно-медленно он придвинулся еще ближе к моей протянутой руке. Усы задели мои пальцы. Щекотно, и я не могу сдержать улыбку.

И тут зверек неожиданно бросается – вижу его острые сверкающие зубы, они погружаются глубоко в мой большой палец. В ужасе вскрикнув, вскакиваю на ноги, но зверек вцепился в палец мертвой хваткой. Бью его по голове другой рукой, зверек наконец разжимает зубы и падает на землю – он дрожит всем телом. Потрясенно осматриваю руку. Из двух ранок аккуратными ручейками течет кровь.

– Ах ты, злобная тварь! – бормочу я. – Чего ты кусаешься?

– Фр-р… – На этот раз фырчание громче, чем прежде. – Фр-р. Фр-р. Фр-р-р-р-р!

В зарослях папоротника что-то шуршит, и в следующий миг ко мне сбегаются эти странные обезьянокролики. Три, четыре, полдюжины – ах, нет, целая дюжина!

И они все вместе кидаются на меня.

Какой-то зверь, прыгнув на ногу, вцепился в колено. Другой забрался выше и, запутавшись мордой в ткани майки, рвет ее на части. Третий цапает меня за руку, я сбрасываю его, но острые когти оставляют на коже царапины. Ужас, какие проворные! Их все больше и больше! Эти адские твари охотятся стаей, а их жертва – я!

Разворачиваюсь и бегу со всех ног! Спустя несколько метров путь мне преграждают пурпурные светящиеся папоротники. Инстинктивно стараясь не задевать их, сворачиваю в сторону и прорываюсь сквозь тернистые заросли кустарника. Мелкие зверюги преследуют меня, из-за густой поросли бежать тяжело, и они напрыгивают и хватают меня за ноги. Бью их, отрываю от штанин, словно злобные ожившие репейники, и отбрасываю прочь.

– Это все не взаправду! Это-все-не-взаправду! – задыхаясь, твержу я. Напрасная трата воздуха! Я же вижу – еще как взаправду! Но единственная возможность не сойти с ума – это сохранить чувство реальности.

– Это! Все! Не! Взаправду!

Продираюсь голыми руками сквозь кусты, доходящие мне до пояса. Ноги путаются в переплетенных кустарниках, мелкие зверюги добираются до меня и кусают, их все больше!

Силы на исходе, сердце колотится в груди так, что легким не хватает воздуха. Я должна выбраться!

Кроликов-убийц слишком много, они повсюду, и своим «фр-р» зовут товарищей присоединиться к охоте.

Подлесок слева редеет. Устремляюсь туда, одна тварь вцепилась в лодыжку, но я продолжаю бежать, стиснув зубы, прерывисто выдыхая. Укушенная нога горит, словно я бегу через огонь. Топчу плющ и папоротники, молочу кулаками тех тварей. Кричать не могу: не хватает воздуха, каждый вдох царапает глотку, будто у меня болит горло. Я чаще спотыкаюсь, чем бегу.

Вдруг передо мной появляется широкий сероватый ствол дерева. Толстые ветви обвивают его словно канаты. Бросаюсь к дереву, карабкаюсь наверх – уповая, что зверюшки не полезут следом. Сучья на ощупь какие-то странные. Снаружи твердые, а внутри крошатся. Ноги скользят, но мне пока хватает сил удержаться. Рывок за рывком забираюсь все выше, задевая большие мягкие листья и ветки, похожие на обглоданные кости. Какое мерзкое дерево! Но оно спасло мне жизнь, потому что – смею надеяться – те зверюги остались внизу и возмущенно фырчат мне вслед: «Фр-р, фр-р!»

Поднявшись довольно высоко – метра три, – сажусь на сук, хватаю воздух ртом. Абсурд, но я думаю о маме: она очень переживала, когда я ребенком лазила по деревьям. «Вот свалишься и переломаешь себе кости!» – стращала она. И теперь этот приобретенный еще в детстве навык спас мне жизнь. Твари когда-нибудь свалят, а дальше…

Живот неприятно сводит: я не знаю, что буду делать *дальше*! Рассматриваю раны на ногах, бедре и руках. Джинсы в бесчисленных дырах, рваные и мокрые от крови. Укусы неглубокие, но их очень много, они горят словно в адском пламени, и царапины, кажется, вот-вот вспыхнут огнем.

Вдруг все зверюги резко стихли, безмолвно посмотрели куда-то в сторону и, как по секретному знаку, скрылись в лесу. Миг – и ни одной не осталось.

Что их спугнуло?

Щурясь, пытаюсь разглядеть что-нибудь в чаще. И тут сердце чуть не остановилось. Совсем рядом, за деревом, прячется какая-то тень. Очень большая тень.

В чаще внезапно воцарилась тишина. Слишком глубокая тишина, такой не бывает в лесу. И меня терзает нехорошее предчувствие, что тень, которую я увидела, гораздо опаснее стаи кровожадных кроликов-убийц.

Чувствую некое прикосновение к плечу. Взвизгнув, стремительно оборачиваюсь и чуть не падаю с дерева. Ветка! Тьфу! Опять дрянь всякая мерещится!

Адреналин сошел на нет, мышцы рук мелко дрожат, а ноги наливаются свинцом. Устало карабкаюсь по стволу еще выше, как можно дальше от тени, притаившейся внизу. Задираю голову, подыскивая ветку, за которую смогу спокойно уцепиться, и краем глаза замечаю, что тень приближается! Испуганно оглядываюсь – но тень пропала…

Затаив дыхание, я тянусь к другой белой ветке, похожей на кость, – она ломается и остается в моих руках, и до меня доходит – я ошиблась.

Сучки не похожи на кости.

Они *и есть* кости.

Внизу что-то шевелится, я слышу шорох шагов в листьях.

Я просто хочу выбраться отсюда, надо лезть выше, но нога застревает между листьями. Нет, не застревает. Листья… они защемили ногу! Отчаянно пытаюсь освободиться – и снова замечаю движение рядом. Поворачиваю голову – и не верю своим глазам.

Несколько отросших веток тянутся к моему плечу.

Они *тянутся к моему плечу?*

Это дерево… оно двигается!

Его большие листья накрывают меня, подобно двум огромным рукам. Дергаю ветку, пытаюсь соскрести зелень с кожи, потому что листья липнут к ней. Тонкие, но жесткие ветви ловят одну руку и неумолимо прижимают ее к моей груди, пока я отчаянно и безуспешно силюсь вырваться. Вторая ветка хватает другую руку, сжимая пальцы. Мясистая внутренняя часть листьев выделяет липкую жижу, которая обжигает кожу.

Это дерево – мерзкое плотоядное растение!

Крики застревают в горле. Снова пытаюсь высвободить руки, но дерево невероятно сильное, повсюду ветки и листья. Оно меня не отпустит, и рано или поздно от меня останутся одни кости…

Внизу тень выходит из укрытия и смотрит вверх, на меня. Это человек, но мне видны только широкие плечи и скрытая капюшоном голова.

Вот она, Смерть, стоит внизу!

Меня захлестывает паника. Просто жалобно скулю, все мои попытки освободиться – тщетное трепыхание. Это сон! «Проснись!» – хочу закричать я во весь голос, но из горла вырывается лишь хрип:

– Проснись же, проснись, ты спишь, спишь!

– Нет. – Мрачный голос принадлежит человеку, который наблюдает за мной снизу. – Ты не спишь.

– Помогите! – умоляю я. – Пожалуйста! Пожалуйста, помогите!

Но он просто стоит и бесстрастно смотрит. Ветви держат меня и тащат в крепкую хватку липких листьев, их все больше и больше! Между ветками замечаю белеющие кости: череп оленя, хребет какого-то крупного животного – должно быть, лошади.

Умру здесь – и Вики с мамой останутся одни. Нет, об этом и речи быть не может!

Выдыхаю. Сосредотачиваюсь, как во время поединка кэндо, фокусируюсь. Серьезно оглядываю противника, прикидываю, куда ударить. Собрав все оставшиеся силы, коротко и резко дергаю рукой: стараюсь вырваться. Снова и снова. Поначалу это кажется безнадежным, но я мысленно дала этому проклятому дереву зарок, что не сдамся, пока не освобожусь или не умру. И моя левая рука выскальзывает из захвата! Листья тут же овладевают ею снова, но ветка и висящая на ней кость оказываются в зоне досягаемости. С силой тяну за кость – она обламывается. Теперь у меня есть оружие – тонкое, пористое оружие, не длиннее кухонного ножа, зато с острым концом. Дрожа, втыкаю кость во все листья, до которых могу дотянуться. С каждым ударом дерево становится податливее, мне удается вырваться из его тисков и забраться чуть повыше. Но снизу ко мне уже тянутся свежие неповрежденные ветви. Да, они тоньше, и листья у них у́же, но они голодно тянутся ко мне. Оцениваю расстояние до земли. Метров пять. Даже если я мастерски скачусь – переломаю руки и ноги.

Не могу бороться! Бедро теперь не пылает, но медленно немеет. Перед глазами пляшут черные точки, сливаясь в сплошные полосы. Наверное, дерево меня отравило. Надо выбираться – уж лучше я спрыгну, чем упаду!

– Подожди! – окликает ангел смерти. Словно сквозь черный туман вижу, что он по-прежнему смотрит на меня снизу вверх, но теперь в руке у него нож. Присев на корточки, он касается пальцем торчащего из земли корня. Опускает голову. И мощным движением вонзает нож в дерево – оружие входит по самую рукоятку. По стволу проходит судорога, я чуть не теряю равновесие! И тут ветви неожиданно опускаются, все листья вяло обвисают, некоторые даже падают на землю и лопаются, как перезревшие фрукты.

Я решилась медленно спуститься. Трясусь как осиновый лист и с трудом соображаю, за что правильнее схватиться. Остается два метра – и я спрыгиваю, потому что ползти сил больше нет.

И падаю прямо на руки незнакомцу. Я рефлекторно цепляюсь за его куртку, чтобы устоять на ногах, но он, резко выдохнув, делает шаг назад – и я, словно мешок с картошкой, плюхаюсь на руки и колени.

Голова гудит, все тело бьет неконтролируемая дрожь, а черных точек перед глазами все больше. С огромным усилием приподнимаю голову.

Человек угрожающе возвышается надо мной, ужас как мне хочется подальше отстраниться от него. Устало поднимаюсь на ноги, но даже так я оказываюсь ниже его на голову. Под капюшоном я разглядела только небритый угловатый подбородок. Теперь он не похож на Смерть – но, увы, по-прежнему выглядит опасным. Я не вижу его глаз, но ощущаю взгляд – и чувствую себя совершенно голой в своей разодранной майке.

– Ты не отсюда, – констатирует человек, неодобрительно скрестив руки на груди, словно я, не зная того, нарушила какое-то правило.

– Нет. А дерево… оно мертво? – Очень хочется в это верить. Стараюсь отдышаться – но ничего не выходит.

Он кивает:

– К сожалению.

– Отчего ты раньше не помог? – хриплю я.

Он слегка наклоняет голову в сторону – я не вижу лица, но слышу неприкрытую усмешку в голосе.

– Хотел поглядеть, на что ты способна.

Глава 5

К решительным действиям я не способна. Увы, к большому сожалению. Потому что после этой фразочки очень захотелось ему врезать. Но дрожь в руках переходит в судорожное подергивание. Ноги какие-то слабые, будто ватные. Перед глазами все плывет. Что-то не так. Неуклюже сажусь на землю. Все-таки наркотики?

– Дерево ядовитое, – сообщает незнакомец, отстегивая от пояса кожаный мешочек и бросая его мне, – вот.

Не знаю, что там внутри, но мешочек гораздо тяжелее, чем я думала, пытаюсь поймать его, но он выскальзывает из рук. Хватаю пальцами пустоту. Перед глазами все крутится. Нащупываю мешочек. Внутри оказывается фляга. С большим усилием откручиваю крышку. Торопливо припадаю к фляге и делаю глоток, но незнакомец ни с того ни с сего выхватывает ее из моих рук.

– Да ты не пей, а яд смой, – говорит он так, будто это само собой разумеющееся, и обливает водой мои руки и тело, а последние капли стряхивает мне на лицо. Жестами показывает, что покрасневшие места, к которым присосались листья, надо растереть. И сам старается не прикасаться ко мне.

Ощущение воды на коже будоражит жажду, во рту так сухо, что больно дышать, – ужасно хочу слизать с рук капли, плевать, яд это или нет. Но судороги в мышцах и головокружение постепенно проходят, и черные точки не мельтешат перед глазами. Зато теперь меня знобит от холода. На джинсах дыр больше, чем ткани, майка насквозь мокрая и порвана с левого бока. Кое-как прикрываю спортивный лифчик, но стоит мне пошевелиться, как дыра снова расходится.

Тип в капюшоне ругается себе под нос. Грубым движением срывает с плеч накидку. Каштановые пряди падают на шею и лоб. Ему около двадцати лет, и внешность у него какая-то чужеземная, не знаю, как еще сказать. Выразительные скулы, чуть раскосые глаза, большой рот. Вроде все нормально, но что-то в лице неуловимо отличает его от людей, которых я видела раньше. На английском он говорит с явным акцентом, как горец-шотландец. А может, мы там, в Шотландии?

Молча он бросил накидку мне под ноги, а я поспешно отвела взгляд, понимая, что таращусь на него. Мечусь между желанием набросить куртку и порывом швырнуть ее обратно. В итоге гордость терпит поражение: мне холодно. Ткань необычная: похожа на лен, но теплее и гораздо мягче. Воротник пахнет сеном, немного лошадью и, как ни странно, утешением. Скорее всего в сложившейся ситуации меня ободряет присутствие человеческого существа. Главное, теперь я не одна.

– Спасибо, – выдавливаю я. Голос все еще дрожит – то ли от шока, то ли от холода, то ли от яда.

– Оставь себе, – отвечает этот тип, убирая волосы со лба, и отворачивается. – Всего хорошего.

– Что?! Стой! – Голос срывается. Пытаюсь подняться, но тело выламывает судорогой, и я снова падаю на колени. – Ты не можешь просто взять и бросить меня здесь!

– Да? – Он останавливается. Его слова – как когда нищему бросают монеты, а они оказываются простыми пуговицами. – Увы, ничем не могу помочь.

И уходит – спустя несколько беззвучных шагов скрывается за деревьями.

Нет. Нет-нет-нет! Быть такого не может! Проболтавшись пару-тройку часов по этому смертоносному лесу и едва не погибнув, я встретила человека, который теперь бросил меня, совершенно беспомощную, просто свалил! О нет!

– Подожди! – кричу ему вслед, вставая на ноги. Ковыляю в ту сторону, куда он ушел. – Стой! Да погоди же ты… ты… конченый придурок!

Мои вопли переходят в хрипы и заканчиваются позорным хныканьем. Кутаюсь в куртку: хочу спрятаться в ней. Близится вечер, а за ним – ночь.

– Что, если те твари вернутся, а?! – ору я. – Хочешь, чтобы я тут сдохла?! Тогда зачем помог?! Чтобы я теперь околела?! Вот чего ты добива…

– А чего добиваешься ты?

Испуганно оборачиваюсь, чуть не теряя равновесие. Вот он, словно появился из ниоткуда! Или будто никуда не уходил.

– Хочешь, чтобы тебя весь лес услышал? – Взирает на меня так, словно я умалишенная. Честно скажу, я к этому близка.

– Я хочу домой, – стараюсь говорить спокойно и сдержанно, но ничего не получается. – Понятия не имею, как сюда попала и где я вообще, но мне надо домой, и как можно скорее!

Он опускает взгляд на землю, но я замечаю некое замешательство на его физиономии.

– Мне нужно в город. На вокзал!

– Откуда ты? – осторожно интересуется он.

– Килларни.

Ноль реакции.

– Городок такой, вряд ли ты о нем слышал, – добавляю я. – В Керри.

Опять ничего.

– Ирландия. Ну, Ирландию-то ты должен знать! Понимаешь? Да не важно. Главное добраться до вокзала, а оттуда…

А денег-то у меня нет! Только сдохнувший телефон. Тянусь к заднему карману джинсов – и иллюзии окончательно рассеиваются. У меня нет даже сдохнувшего телефона. Он выпал из кармана во время бегства.

– Ты очень далеко от дома, – произносит парень. – Даже не догадываешься насколько. Мне очень жаль.

Если он пытается меня утешить, у него это плохо получается.

– Где же я тогда?

Он что-то отвечает, но я не догоняю. Звучит как «Лиа-Скэй».

– *Айл* Скай? Так все же в Шотландии? Но как я здесь очутилась?

– Лиаскай, – повторяет он. И снова сочувствует. – Мне очень жаль.

Не слышала о таком месте…

– А это где? Мы же в Великобритании, да?

– Проклятье! – с неожиданной яростью срывается он. – Это не я должен объяснять!

– Увы, кроме тебя, здесь никого нет!

Неохотно, но он все-таки признает правоту моих слов. Оглядевшись, примечает неподалеку упавшее дерево и ведет меня к нему. Садимся на почтительном расстоянии друг от друга.

– Она иногда такое вытворяет, – начинает он, – Лиаскай. Затаскивает сюда девушек и молодых женщин из другого мира.

Он серьезно сказал «из другого мира», да? О, как же хорошо, что я сижу. Он чокнутый. Он спятил – ну, или спятила я!

– Только не спрашивай зачем. У нее есть на то причины, но я ничего не знаю, меня это не интересует. – Он задумчиво смотрит на меня. – Но обычно такие люди не блуждают совсем одни по Жадному лесу.

Жадный лес. Другой мир. Голова идет кругом. Он меня дурит или как?

– Мне очень жаль, – твердит он уже в третий раз, но впервые я ему верю. Он сидит, наклонившись вперед, и пристально разглядывает свои руки. Чуть косится на меня, наверное,

желая удостовериться, что я не грохнулась в обморок. И я бы грохнулась, но пока держусь – спасибо правильному дыханию, которому учили на тренировках.

Это неправда. Это не может быть правдой!

Но голосок в голове шепчет, что вряд ли в Шотландии водятся кролики-убийцы и растут плотоядные деревья. И не только в Шотландии – нигде в целом мире. В *моем* мире.

– Где она? – шепчу я. Главное, не истерить.

– Лиаскай? Она… – незнакомец отчего-то замялся, – она здесь повсюду. Земля, небо, леса, реки, горы и моря.

– Эта земля похищает людей?

Поднявшись, он опирается скрещенными руками о дерево.

– Временами она призывает людей к себе.

– Ладно. Как скажешь. – Трясу головой, пытаясь собраться с мыслями.

Что там случилось в раздевалке? Мне казалось, что я отключилась, хорошо помню то чувство – словно рассыпаешься на миллионы песчинок. Никто и ничто меня не призывало, это уж точно. Меня схватило что-то, не имеющее рук. Но я сопротивлялась – и оказалась здесь.

Глубоко выдыхаю. А затем осторожно допускаю мысль, что этот тип сказал правду: я в другом мире.

Вот. Какая же. Дрянь.

Нужно время, чтобы все обмозговать. Время, но его нет, потому что нужно выяснить, как вернуться домой. К маме и Вики.

– Как-то я сюда попала. Значит, должен быть способ вернуться. Должен быть путь назад. – Вглядываюсь в его лицо, ища ответ. Теперь, когда он настроен не так враждебно, он выглядит очень молодо, чуть старше меня. В его взгляде – странное недоверие, и это меня удивляет. Но ясно, кто из нас двоих опаснее.

– Я не встречал человека, который бы покинул Лиаскай, – признается он.

– Но должен же быть способ! Я никак не могу здесь остаться!

– Можешь найти какого-нибудь междумирца и подкупить его – тогда получишь Церцерис.

– Что? Подкупить? – Я окидываю себя взглядом. – Как?

Он передергивает плечами. Ему совершенно плевать.

– Хорошо, – вздыхаю я. – Кто такие междумирцы, где их найти и что они захотят в обмен на ту штуку?

– Магически одаренные, с особым талантом. Если повезет, то в Рубии. А захотят они многое, ведь ты требуешь, чтобы кто-то из них пошел против воли Лиаскай и стал предателем. Мой совет – забудь об этом.

– Рубия. Рубия – это что?

– Столица Лиаскай. Место, где людей вроде тебя ждет смерть.

Пропускаю мимо ушей последнюю часть фразы, потому что это какой-то абсурд, и обдумываю первую. Столица – звучит всяко лучше Жадного леса!

– Далеко эта Рубия?

– Несколько дней пути.

– А на поезде?

Он качает головой – но это не отрицание, а что-то другое. Что-то сложнее.

– Ты не знаешь, что такое поезд. И что такое вокзал.

Его глаза суживаются, взгляд настороженно темнеет. Он понятия не имеет, о чем я толкую. А значит, поездов здесь нет. Тьфу!

Мне осталось совсем чуть-чуть до срыва. Но я не доверяю этому типу. И пока он рядом – я всегда начеку.

– Мне нужно вернуться домой любым способом. Как добраться до Рубии?

Он фыркает – звук похож на уставший смешок.

– Тебе? Ты и за двадцать лет не доберешься.

– А ты не можешь меня туда отвести? – Сама не понимаю, что вообще смолола. Лучше буду просить его, умолять на коленях… Только вот ничего не выйдет. Он здесь единственный человек на много километров. – Пожалуйста.

Вместо ответа он улыбается, слегка приподняв уголки рта, и мне в голову закрадывается мысль, что хотела бы увидеть его улыбку при других обстоятельствах – и в другом мире.

– Что скажешь? Будешь помогать мне? Пока я не найду кого-то другого?

Он пристально смотрит на меня оценивающим, как и все время до этого, но неожиданно тяжелым взглядом. Глаза у него зеленые. Я только сейчас заметила.

– Я против.

– Почему?

– Назови хотя бы один аргумент «за».

– Мне нужна помощь!

– Я уже помог.

– Ты заколол корень дерева! Так мужественно с твоей стороны!

Какой мерзкий тип!

– Это было нелегко, – парирует он.

Я негодующе мотаю головой.

– Сколько, по-твоему, я продержусь здесь одна? Я погибну!

Поразмыслив, он кивает.

– Ладно. Я доведу тебя до деревни на границе с Отрельей.

Смотрю на него, скептически склонив голову.

– Там есть эти междумирцы?

Кажется, его это веселит!

– Нет. Отрелья граничит с Лиаскай. Но каждую весну оттуда совершают паломничество в Рубию. Можешь присоединиться в следующем году. Если захочешь. А пока никому не болтай, откуда ты пришла.

В следующем году?

– Ты не догоняешь? Мне срочно надо домой!

– Больше ничем не могу помочь.

– Уж лучше бы дал мне повеситься на том проклятом дереве! – срывается с моих губ. Сожаление превращается в гнев. – Ну тогда проваливай! Только время зря на тебя трачу! А дорога каждая минута, кто знает, сколько их еще осталось! Найду эту Рубию и без тебя!

Мой фатализм его чем-то зацепил. Оглядывает меня с ног до головы.

– Девушка из Ирландии – без разницы, где это, – поговорим серьезно. У тебя ничего нет, и уж точно нет того, что нужно мне. Почему ради тебя я должен делать такой большой крюк?

– Не ради меня, – сдержанно отвечаю я, кажется, я-то ему глубоко по барабану. Хотелось бы сказать то же самое про него. Но мне необходимо попасть в столицу, а он знает дорогу. – Ради моей сестры. Я нужна ей.

– Сестры?

Нотки заинтересованности?

– Да. Она потрясающая. Единственная, кто смеется над моими шутками.

– Они, наверное, вообще не смешные.

– Просто никому, кроме нее, я их не рассказываю.

Он рассмеялся. Коротко, но впервые искренне, будто смех прорвался сквозь завесу надменности.

– Так и быть, – решает он. – Я доведу тебя до Рубии. Но не задаром. И есть одно условие.

Ну наконец-то! Запахиваю куртку на груди.

– Никаких шуток, – заявляет он.

Глава 6

Проходит время, и мне уже кажется, что шутки шутит здесь он. Осторожно интересуюсь, нет ли у него еще воды: от жажды я ослабела и двигаюсь медленно.

– Я отдал тебе всю воду.

Ох.

– Но скоро мы ее где-нибудь раздобудем, правда?

– Может, завтра.

Не могу и не хочу в это верить! Мы же в лесу, вокруг все цветет, зеленеет, разрастается! Разве возможно, что здесь нет воды? Но спорить с ним глупо. Велика опасность, что он передумает и не отведет меня в Рубию, если я начну действовать ему на нервы.

– Расскажи что-нибудь про страну, – вместо этого прошу я. – Где она находится?

Он тяжело вздыхает, явно не горя желанием со мной трепаться, но все же начинает рассказ:

– Лиаскай – самая могущественная держава на Западном континенте. – И, поймав мой вопросительный взгляд, уточняет: – Знаешь, что такое континент? И что планета круглая и что ее большая часть покрыта морями и океанами?

Утвердительно киваю. Звучит знакомо!

– Уже хорошо. Западный континент составляют восемь стран. Лиаскай – не самая большая или густонаселенная из них, но она управляет остальными. Королева правит всеми странами из столицы – Рубии.

– Что насчет контакта с моим… миром? – осведомляюсь я, борясь с одышкой. Дорожка, по которой мы идем, больше смахивает на заросшую тропу, и я с трудом поспеваю за своим спутником.

Он передергивает плечами.

– Не знаю. Спроси об этом междумирца. В смысле, когда встретишь кого-нибудь из них.

Молча разглядываю его спину. На нем темное одеяние вроде из того же материала, что и отданная мне накидка, – шерсть, лен или все вместе. Не скажу, что одежда выглядит как новенькая, но она в хорошем состоянии. Рубашка облегает широкие плечи, и закатанные рукава обрисовывают мускулистые руки. На шее кожаный ремешок с подвеской, очертания которой угадываются под рубашкой. На поясе сбоку, у бедра – какие-то инструменты, через плечо перекинута легкая котомка, где он держит нож. Вот так и шагает он через лес, словно каждую тропинку, любую развилку и опасность распознает даже во сне. На первый взгляд он кажется беззаботным. Но чем дольше я наблюдаю за ним, тем лучше понимаю, насколько он собран. Ни единое движение не ускользает от него – я только поворачиваю голову, заслышав шорох, а он уже убедился в его безвредности и теперь прислушивается к чему-то, что я еще не успела заметить.

Что он позабыл в этом лесу?

Расстояние между нами увеличивается. Стискиваю зубы и пробегаю пару шагов, нагоняя его.

– А когда мы будем в Рубии?

– Один я бы дошел за неделю, – отвечает он. – С тобой придется идти дольше. Дней десять, может, двенадцать.

Я как-то не ожидала, что путешествие так затянется. Я разочарована. Сама того не желая, иду медленнее.

– Четырнадцать, если будешь идти прогулочным шагом.

Взяв себя в руки, стараюсь не отставать.

– И еще, чтобы не возвращаться к этому вопросу: пройдем ворота Рубии, а дальше ты сама по себе, что бы ни случилось.

– Идет. А что будем делать, если вернутся кролики-убийцы?

Тут он резко останавливается, и я чуть не врезалась в него.

– Какие-какие убийцы?

– Ну те мелкие монстры, которые меня на дерево загнали. – Я окидываю себя взглядом. Джинсы похожи на дело рук чокнутого дизайнера, дыры вымочены кровью. Надо срочно придумать, чем промыть укусы, чтобы не заразиться какой-нибудь дрянью.

Мой спутник поджимает губы. Пытается сдержать смех?

– Эй, они меня чуть не прикончили!

– Да, не вскарабкайся ты на могильную линнею, именно это они бы и сделали. Но они совершенно безобидны, если знаешь, как себя вести.

С этими словами он отворачивается и идет дальше.

– И как же?

– Они посылают разведчика. Тот проверяет, кто ты – жертва или охотник. Стая ему верит.

Какое счастье, что он ко мне спиной: не видит моих красных щек. М-да, во время этой проверки я вела себя чересчур дружелюбно.

– А как показать, что ты не жертва?

– Топнешь ногой – разбегутся. Ну или кричи: «Кыш-кыш».

– Кыш-кыш? – Все так просто?! – А можно еще вопрос?

Он глубоко вдыхает – плечи поднимаются, а затем опускаются на выдохе.

– Ты всегда так много треплешься? Знаешь, не лучшая идея. Мне неохота все две недели слушать твою болтовню.

Почему-то я не ответила на его слова, только усмехнулась.

– Нет, обычно я говорю мало. – Мои друзья, наоборот, не считают меня болтливой, называют молчуньей. Не помню, когда вообще так много разговаривала с незнакомцем. – И ведь я даже не знаю, как тебя зовут!

Легкое движение плеч – вот и весь ответ. Он смеялся?

– Але, прием! Слышишь меня? Я Майлин! Майлин Уолш!

– Понял.

– Можешь звать меня мисс Уолш!

– Усек.

– А у тебя есть имя?

– Могу назвать какое угодно, но правду не скажу.

– Но ведь мне нужно как-то к тебе обращаться!

– Выбери любое имя. Ты недавно назвала меня конченым придурком – не подойдет?

– Бестолочь! – неуверенно бормочу я.

Он не мог это расслышать, но все же расслышал, потому что сказал:

– Тоже годится.

– Какой же ты странный! – вырвалось у меня.

Плевать он хотел на мои слова!

– Усвой еще кое-что, если хочешь выжить: в Лиаскай очень мало людей, которым можно доверять. И я не из их числа.

Глава 7

Идти все тяжелее. Поначалу я еще видела тропинку, по которой мы шли, а теперь мы либо продираемся сквозь заросли – ветки царапают мне руки и лицо, либо бредем через какие-то доходящие до колен кусты с круглыми листьями. Корни мешаются под ногами, чтобы перелезать через упавшие деревья, требуются силы, которых у меня нет, а где их взять – непонятно.

Как подкошенная, падаю на ствол какого-то дерева. Хочу окликнуть своего спутника, но от жажды и перенапряжения кружится голова.

Заметив, что я отстала, он оглядывается на меня и разводит руками – молча требует пояснить, в чем дело. Темная рубашка, плотно облегающая торс, сапоги со шнуровкой, непроницаемый взгляд – он будто принадлежит этому лесу. А весь лес принадлежит ему. Всегда было интересно, как бы выглядел взрослый Питер Пэн. Вот теперь знаю.

– Не могу больше. – Голос у меня тонкий и тихий, сама не знаю, виною тому стыд или изнеможение. Мышцы дрожат, несмотря на куртку, меня знобит.

– Как сильно тебе нужен отдых? – Медленно подходит ко мне.

– По шкале от одного до десяти? Одиннадцать!

Он садится передо мной на корточки.

– Хочешь остаться здесь? Ты что, не видишь?

Озираюсь по сторонам. О чем он? Когда он приблизился, воздух стал разреженным, я едва могла дышать!

– Солнце вот-вот зайдет, и наступит темнота. А в темноте бродят существа, с которыми ты не захочешь встретиться.

Жадные леса. Пытаюсь сглотнуть, но не получается: во рту сухо, как в пустыне.

– Так тебе нужен отдых? – невозмутимо переспрашивает он.

Я встаю и тащусь дальше.

Свет почти померк, забрав с собой все краски леса. И тут я услышала шорох. Решила, что это шумит кровь в ушах. Но нет…

– Подожди минутку, – лепечу я спутнику, который идет далеко впереди меня. Остановившись, прислушиваюсь. Не уверена, но звук похож на журчание ручья…

Надо проверить! Справа примечаю маленькую тропинку, ведущую сквозь кустарник. Ветви скрывают ее, словно занавес, но я отвожу их рукой и пробираюсь дальше. Уверенность крепнет с каждым шагом – там ручей! И вдруг приходит осознание. Мне нельзя уходить так далеко от моего спутника… Но если я не попью, то не смогу идти дальше, и он просто отчалит, бросив меня!

Прохожу еще несколько метров, и тут лес неожиданно редеет. Передо мной раскинулась полянка, усеянная камнями! Повсюду булыжники и галька, а между ними – ручей, искрящийся в лучах закатного солнца! Не видела ничего чудеснее – от облегчения из глаз вот-вот хлынут слезы.

– Эй! – доносится из чащи. – Эй, мисс Уолш!

А он тот еще шутник! Пусть теперь ждет, пока я не напьюсь! Мы найдем воду только завтра, ага, конечно! Кидаюсь к воде, спотыкаясь о камни, скользя по гладкой гальке. Придурок зовет меня снова. Игнорирую и его, и треск веток – он лезет за мной через кусты. Ручей течет прямо у моих ног, я останавливаюсь и, рухнув на колени, тяну руки к воде.

А в следующий миг он дернул меня назад так резко, что зубы клацнули! Он крепко держит меня за талию, прижимая к своей груди, а меня охватывает паника – на ее фоне все пережитое за сегодня просто бледная тень! Я воплю, вырываюсь, извиваюсь в его крепких объя-

тиях, а оказавшись с ним лицом к лицу, бью его. Он что-то произносит – я вижу, как шевелятся его губы, но кровь шумит в ушах так громко, а ручей поет так чарующе, что я не понимаю слов.

Спокойствие!

Выдохнув, собираюсь с силами, намереваясь ударить еще раз, чтобы он…

– Это яд! – рявкает он мне в ухо. – Слышишь?!

– Что? – хриплю я.

– Вода! Отравленная!

От изумления ноги подкашиваются, и я наверняка упала бы, но он поддерживал меня. Трясусь мелкой дрожью. Прижавшись к незнакомцу, я уткнулась лбом в его грудь – не могу держать голову. Вдох-выдох, вдох-выдох, вдох-выдох, и тут до меня доходит, что я вдыхаю его запах, словно это кислород. Смутившись, пытаюсь отстраниться, но он не пускает. Я не могу пошевелиться: так крепко он сжимает меня в объятиях.

– Ты поняла, что я сказал? – тихо спрашивает он.

Киваю – но ему этого мало.

– Повтори.

– Вода отравленная.

– Будешь ее пить?

– Что?! Конечно, нет!

Только теперь он расцепляет руки, медленно отпуская меня. Но не сводит пристального взгляда, будто ждет, что я опять брошусь пить воду.

– Порядок?

Бессильно трясу головой.

– Понимаю.

Он явно смягчился, вот только взглядом надолго задержался на моем животе, я считаю это совсем неприличным! Но сама глаз отвести не могла. Все из-за стресса.

Несколько секунд мы смотрим друг на друга, затем он, опустив глаза, кивает на ручей.

– Видишь? – спрашивает, и я оборачиваюсь. – Это они отравили воду.

Мне потребовалось время, чтобы понять, о чем это он толкует.

– Цветы?..

Он сто процентов имел в виду цветы – они, словно каймой обрамляя ручей, растут повсюду вдоль берега. На вид безобидные – маленькие розовые цветочки, похожи на кипрей.

Он мрачно помотал головой.

– Да. Чувствуешь аромат?

Старательно принюхавшись, улавливаю запах. Сладковатый, цветочный, напоминает духи из красивого флакона, из которого Вики чуть-чуть пшикала на меня – маленький ритуал по случаю дня рождения или Рождества.

– Не пей воду, если так хорошо пахнет, – наказывает мой спутник мрачным жестким голосом. – Яд убьет тебя за час. И это будет самый долгий час в твоей жизни.

Не хочу, чтобы он видел, как меня колбасит. Внезапно мне кажется, что мы слишком близко друг к другу, а я не хочу предстать уязвимой.

– Спасибо, – сухо выдавливаю я, отступая от него на шаг-другой. – Прости, я не знала.

В ответ получаю тень кривой усмешки.

– В Лиаскай все не то, чем кажется.

«И ты?» – вертится у меня в голове. Как хотелось бы понять его лучше! Я ужасно рада, что он мне помогает… Но вот вопрос, зачем он это делает. С трудом верится, что его разжалобили просьбы отвести меня в Рубию. Не таков он. И что потребует взамен? Кто он и что делает в этих лесах? Неужели мне действительно хочется это знать?

В итоге мы продолжаем путь – я с трудом волочусь.

– Вода – это все равно хорошо, – сообщает мой спутник. – Завтра утром мы пересечем Чумной ручей еще раз, в таком месте, где растет меньше цветов. Сможешь постирать там свою одежду.

– Мою… одежду…

– Полагаю, то, что на тебе, – твоя единственная одежда.

«Да, действительно, и куда же подевался мой чемоданчик!» – с едким сарказмом думаю я.

– Может, ты хочешь ее постирать. Где-нибудь.

– О. Ну да, ну да. Конечно. Постираю… где-нибудь.

Ага, разбежалась! Раздеваться посередь леса в присутствии этого типа, чтобы постирать майку и лифчик в ядовитом Чумном ручье – одна эта картинка вгоняет меня в краску. Пытаюсь отмахнуться от самой этой мысли, но совершенно ясно, что вещи и впрямь надо постирать. Будь проклята эта страна!

Ко всему прочему, темнеет здесь до мерзкого быстро. Вот только что были легкие сумерки, а сейчас ни зги не видно.

– Уже недалеко, – шепчет мой спутник, когда я чуть ли не падаю: слишком тяжелые ноги, чтобы ими передвигать. – Соберись сейчас же! Давай, поторопись!

Он странно нетерпелив, озирается на каждый треск и шорох, то и дело хватается за нож – от этого мне не по себе. Несколько раз мне мерещится, что в чаще кто-то шебуршится, но мой спутник только требует поспешить.

Как вдруг перед нами, словно из-под земли, выросла хижина.

– Вот она, – с облегчением выдыхает мой спутник, и я смутно догадываюсь, что, не будь этой хижины, нам был бы каюк.

– Чье это жилище? – интересуюсь я, пока спутник толкает покосившуюся дверь, а та неприятно скребет о заваленный листьями пол.

– На эту ночь – наше. – Он закрывает дверь изнутри и с легким кряхтением сдвигает огромный засов – поднимает здоровенную задвижку и укладывает ее на скобы по обе стороны двери. Наверное, легче снести стену, чем выломать мощную дверь. – Это сторожка. По счастью, две-три таких еще остались в Жадных лесах.

Воздух в хижине спертый, влажно и темно – хоть глаз выколи. Но мой спутник прекрасно ориентируется – где-то порылся, чем-то погремел, – и тут вспыхнул свет. От масляной лампы исходит мягкое свечение.

Примерно так выглядела сторожка: по центру – печь, у стены напротив двери стопка дров, рядом чайник и кованая стойка, чтобы его подвесить. Слева узкая лежанка, справа две бочки и сундук. Неописуемая грязища, к паутине липнут хлопья пыли. Вздрагиваю, подумав об обитателях паутины, хотя прекрасно понимаю, что снаружи бродят твари похуже. Вдали слышится вой – не знаю, волк это или ветер.

Мой спутник, открыв бочку, проверяет, что внутри. Засовывает туда руку, вытаскивает обратно и, обнюхав пальцы, пробует их кончиком языка. А затем издает тихий звук – беззвучно смеется.

– Смотри-ка, нам везет. Это вода.

– Ну, слава богу! – вырывается у меня. От облегчения чувствую слабость и присаживаюсь на краешек лежанки.

– Но вода старая, я вскипячу ее, – остужает он мой пыл. А это надолго! – Отдохни пока.

Как сдутый мяч опускаюсь на спину. Матрас странный, набит соломой, которая колется даже сквозь куртку и джинсы. Но как же это здорово – вытянуть ноги и расслабиться!

– А если Питер – как тебе? – устало бормочу я.

Мой спутник замирает. Он отчего-то встревожился, но не стал возражать, только молча посмотрел на меня.

– Я могу звать тебя так. Если хочешь. Питер – как Питер Пэн.

Он успокаивается – укладывает в печь полена, подбрасывает хворост.

– Не возражаю.

Не знаю, он выудил кремень из кармана или нашел в хижине. Но следом за мощным ударом полетели искры. Сухое сено вспыхивает, он бросает трут на дрова и осторожно раздувает. Влажная древесина потрескивает и дымит, но чад выходит через отверстие в крыше, я только сейчас его заметила. Надеюсь, через дымоход к нам никто не пролезет.

– Питер Пэн – это сказочный персонаж, – объясняю я. – Он заманивает детей в Нетландию, где они могут летать и всегда оставаться детьми.

– Я никого никуда не заманиваю, – резко заявляет он, – и ты не в счет. Будь моя воля, тебя здесь бы не было.

Я вздрагиваю. Только сейчас смекнула, насколько двусмысленно прозвучало мое объяснение – так, будто считаю, что это из-за него я здесь.

– О таком я даже не думала!

Его улыбка – вот что напомнило мне эту сказку, улыбка, необыкновенно притягательная, если не знать, какую опасность она таит.

Но теперь, после его слов… Все это очень странно. Вспоминаю, что кто-то открыл дверь, когда я была в раздевалке. А потом раз – и я здесь, в этой непонятной стране. И единственный человек, который встретился мне на пути, – он…

– А это правда не ты?

– Правда не я, – отрывисто рявкнул он.

– Ну и здорово, я тебе верю. – А что мне еще остается? – Да и здесь совсем не Нетландия.

Он сидит у огня, прислонившись к сундуку.

– Питер – сойдет.

Наблюдаю, как клубы дыма поднимаются к небу – к чуждому ночному небу, под которым я не хочу быть, – и растворяются в Ничто.

Я, видимо, задремала – просыпаюсь потому, что кто-то мягко трясет меня за плечо. На мгновение, словно слепящий свет, накатывает волна облегчения. Это все сон, а я лежу в кровати, дома, в родной семье.

Но в нос бьет запах дерева, леса и огня, а чей-то голос твердит:

– Просыпайся, мисс Уолш. Вода вскипела.

Испуганно оглядываю хижину. И задерживаю взгляд на типе, которого назвала Питером. Уголки его рта ползут вверх – признак дружелюбия. Ну почему, почему он не сон?! Он, его проклятая страна, весь этот дурацкий мир?!

Принимаю вертикальное положение, а он сует мне в руки глиняную миску. Обжигаю губы – вода горяченная! С металлическим привкусом, затхлая, пить можно, но до тошноты противно. Сроду не пила ничего вкуснее!

Опустошив вторую миску, сажусь рядом с Питером у огня. Он достает что-то из своего заплечного мешка и бросает в чайник, висящий над огнем. Запах доверия не внушает, но желудок требовательно урчит.

– А что ты делаешь в лесах? – задаю вопрос я. Питер – загадка, которую надо решить, чтобы не влипнуть из-за него в неприятности.

– Путешествую.

– И куда ты идешь?

Насмешливо смотрит на меня. Отблески огня смягчают его черты, а вот щетина на лице проступает отчетливее. Похож на преступника. Симпатичного преступника, но очень опасного.

– Последние несколько часов шел в Рубию. Или ты забыла?

Вздыхаю. Очевидно, место, куда он направлялся, – тайна и он мне ее не расскажет. Его мнительность подбешивает. Такое ощущение, что он боится доверить мне слишком много. Но чем я ему опасна?

– Еще хотела узнать, – меняю тему, – я спросила тебя, мертво ли дерево, которое меня сцапало, и ты ответил: «К сожалению». Что ты имел в виду? Тебе правда было жалко дерево?

К моему изумлению, он просто кивает, пробуя варево.

– Но… может, ты не заметил… Это дерево смертельно опасно!

– Бывает и хуже, – лаконично замечает он. – А могильная линнея встречается редко.

– Вот теперь я спокойна.

Бросает на меня взгляд – не знаю, то ли веселый, то ли сердитый.

– Если к ней нарочно не лезть, она ничего не сделает.

– А почему кто-то лезет нарочно?

– По собственной безграничной глупости.

– Ах, вот как. Это у вас что-то вроде умственного отбора?

И я его не прошла. Если здесь есть аналог премии Дарвина, я точно стану лауреатом.

Он тяжело вздыхает: какая я непонятливая!

– На исходе жизни, когда сердце бьется с перебоями, тогда идут в объятия могильной линнеи. Она показывает то, чего хочется больше всего на свете, и погружает в мирный сон, от которого не просыпаешься. Сон о прошлой жизни, по которой снедает тоска. Старые и тяжело раненные животные только страдают, и они часто выбирают этот путь. В поисках могильной линнеи они целыми днями плутают по лесу.

Чувствую ком в горле.

– Не знала… – Самой жалко, что дерево мертво. – Но мне эта линнея ничего хорошего не показала. Мне было больно и страшно.

Питер задумчиво кивает:

– Да, я видел.

И тут я вспоминаю, что он собирался оставить меня в этих ветвях. Может, хотел дать мне умереть, пока я не начала бороться с агрессивными ветками.

Тут раздается какой-то шум, очень похожий на крик. От неожиданности я подпрыгиваю, проливая немного похлебки на штаны.

– Вот же дрянь! Что это было?!

– Зверь.

– Безобидный?

С усмешкой качает головой:

– Пока он снаружи, да.

– А когда… – Не договариваю, потому что Питер пожимает плечами.

– В случае чего мы с ним справимся. Но лучше бы он нас не заметил.

Ага, поняла. Нужно сохранять спокойствие и сидеть тихо.

– На лежанке спим по очереди? – шепотом предлагаю я уже после еды.

– Незачем. Мне она не нужна.

– Серьезно? Или отказываешься, потому что пауки по ночам тоже укладываются спать на лежанку?

– Они и так повсюду.

Супер. То, что я хотела услышать.

Порывшись в ящике, он выдает мне сложенное жесткое одеяло.

– Перед сном промой укусы кипяченой водой, она еще осталась, – с этими словами он достает из сумки маленькую деревянную баночку, – и смажь вот этим. Тогда раны не воспалятся.

– Спасибо, – бормочу я, прикидывая, осмелюсь ли снять джинсы в присутствии Питера. Но он, правильно истолковав мое смущение, встает и выходит из хижины. Волей-неволей думаю о том, что скрывается в темноте. Но Питер знает, что делает.

Торопливо промываю и смазываю раны. От мази несет разлагающимся тюленем, но я чувствую, что она действует, а вонь исчезает. Замотавшись в одеяло, гляжу на небо сквозь отверстие в крыше. В небе над Лиаскай тоже мерцают звезды – их довольно много. Не закрываю глаза, жду, когда же послышится скрип двери.

– Доброй ночи, Питер.

– Ночи, мисс Уолш.

– Можешь звать меня Майлин.

– Завтра посмотрим.

Глава 8

Устало моргаю от тусклого света. Как я могу спать – загадка… Чувствую себя совершенно разбитой. Меня терзает страх перед этим незнакомым миром. И тоска по дому, я так скучаю по маме и Рави! И очень беспокоюсь за Вики!

Но несмотря на это, я продрыхла всю ночь. Так утомилась? Или Питер подсыпал что-то в похлебку?

Его, кстати, поблизости нет, но котомка валяется у остывшей печи, да и вряд ли он ушел без меня. Питер даже оставил мне немного еды – прямо на лежанке вижу краюшку хлеба, кусочек твердого сыра и кружку воды.

После скудного завтрака, натянув джинсы и куртку, выхожу из сторожки и осматриваюсь. За хижиной обнаруживается бочка с дождевой водой, рядом – внушительная стопка дров, чурбан для колки и инструменты. От воды разит мхом, но я решилась прополоскать рот и почистить зубы пожеванной веточкой – читала о таком в одном романе про путешествия во времени.

– Уже проснулась? – раздается за спиной голос Питера.

Вздрогнув, оборачиваюсь и вижу, как он застегивает рубашку на обнаженной груди. Кожа влажная – он только помылся. С волос капает вода.

– Хотел меня напугать?

Голос назло такой хриплый?

– Как будто тебя можно напугать! – отзывается он, смеясь чему-то, не знаю чему. Признаюсь, несмотря на мое бедственное положение, этот смех… цепляет меня. В своем мире я бы сделала все возможное, только бы он почаще смеялся.

– И что смешного?

– Да так. Не наколешь дров? Сторожку надо оставлять такой же, какой ее нашли. – С этими словами он схватил ведро и, наполнив его дождевой водой, унес в хижину.

Он наверняка думает, что я не умею колоть дрова. Но дома у нас камин, и мама быстро сообразила, что о дровах надо заботиться самим, если мы хотим его топить. Обычно я рублю топором, а не при помощи предложенных здесь расклинивающего ножа и молотка, но после нескольких неудачных ударов я освоила принцип, и дело пошло.

С грудой дров в руках возвращаюсь в сторожку – Питер собирает свою сумку.

– Будешь так долго возиться, придется топать до Рубии недели три.

На миг меня охватывает возмущение. Долго возиться? Да он должен радоваться, что я вообще умею рубить дрова! Но с ядовитой улыбочкой я возражаю:

– Мог бы сам нарубить, если такой быстрый. Ну, с чего ты взял, что меня не напугаешь?

Покидаем сторожку и идем в лес – туда, где чаща.

– Ночью у нас был гость. Довольно громкий.

– Да ладно? – Стараюсь, чтобы голос звучал равнодушно, но не получается.

– Лесной лев. Вроде львица. Опасна для человека, только когда охраняет детенышей.

– Звучит стремно.

– Бывает и хуже.

Две-три минуты идем молча, и я размышляю, что может быть хуже лесной львицы с голодными львятами. Понятия не имею, какие они, эти лесные львы…

Питер прерывает молчание.

– Львица скреблась в стену, я уже думал, что она доберется до нас.

– А потом? – невольно спрашиваю я.

– А потом ты начала храпеть, и львица убежала.

Я было открыла рот, чтобы заявить: «Я не храплю!» Но… Неужели он специально меня бесит? Холодно улыбаюсь ему:

– Тогда благодари меня за наше спасение. Всегда пожалуйста.

Лесу не видно конца. От местной флоры и фауны я только рот разеваю! Вот грибы, которые в разы увеличиваются, если к ним подойти. Птицы, в тени серые и незаметные, отливают золотым и огненно-красным в лучах просвечивающего сквозь зеленую крону солнца. Деревья тянут к нам длинные гибкие листья – им нужна соль, которая содержится в поте людей и животных. Питер частенько предупреждает о вещах, на мой взгляд, безобидных и посмеивается надо мной, когда я пугаюсь.

Здоровенную змею он характеризует как «самое миролюбивое создание на всем белом свете», зато от милой яркой порхающей бабочки мы уносим ноги – ее укус ядовит. Питер постоянно меня торопит, и я несусь за ним как сумасшедшая. Ноги я стерла и несколько раз подвернула, и теперь лодыжки болят. Но если хочешь переночевать в сторожке, надо стиснуть зубы.

Мы едва успеваем, но вечером снова сидим у огня. Питер насобирал много грибов – на вкус как картон с перцем, но сытные. В этой сторожке двое нар, а матрас набит соломой, он плотный и удивительно чистый. Я страшно устала, руки и ноги отяжелели и закаменели – но спать не могу.

– А что ты делал до путешествия по лесам? – пристаю к Питеру, поняв по дыханию, что он тоже не спит.

– Я пастух. – По голосу понимаю, что он улыбается.

– Вот как? И кого ты пас? Овец? Коз?

– Саблерогов.

– А какие они… эти саблероги?

В прощальном отблеске гаснущих углей вижу, как он приподнимается на локтях и смотрит на меня.

– Ты не знаешь саблерогов? А лошадей?

– Лошадей знаю. У нас они тоже есть.

На меня накатывает тоска. Лошади напоминают мне про Вики, ту Вики, которой она была до болезни.

– Саблероги похожи на лошадей, только они повыше, и из носа у них растет изогнутый рог. Ну и питаются они иначе.

– Ага. И что они едят?

– В основном твоих маленьких пушистых друзей. А еще кроликов, лисиц, если получается поймать, даже молодых кабанов или ночных кошек.

Огромные рогатые хищные лошади… Было бы классно поглядеть на саблерога, но издалека.

– И ты их пасешь? Чтобы ими не закусили гигантские волки или чтобы сами саблероги не закусили людьми?

Всякое может быть, верно?

Он тихонько смеется.

– И то и другое. Иногда я их дрессирую. – В голосе слышатся веселые нотки. Знает же, что я ничего не соображаю, вот и стебется. Готова спорить, что саблерогов нельзя дрессировать.

– Круто, – равнодушно тяну я, – люблю больших животных. В школу вот езжу на буйволе, ну, чтобы слон передохнул.

Ночь давит меня темнотой. Я дико устала, но это не притупляет моей тоски по дому – так и лежу без сна. Спустя две минуты до меня доходит, что снаружи кто-то шумит и скре-

бется, царапается и пищит. Изъеденные древоточцем стены – единственное, что отделяет нас от зверей, не знаю, опасных или нет. С утра пораньше докопаюсь до Питера с расспросами. Чем больше узнаю об этом мире, тем легче мне будет адаптироваться.

Угли потухли, не вижу ничего: сплошь чернота. Над отверстием в крыше плотная крона дерева заслоняет небо, так что звездный свет к нам не проникает. Такое впечатление, будто Питер тоже не спит. Не знаю, закрыты ли его глаза или он пялится в потолок. Но я ощущаю его присутствие так отчетливо, как если бы он сидел рядом и смотрел на меня. Такое чувство, что, стоит мне мысленно его окликнуть, он поднимет голову и спросит, что случилось.

Как, во имя неба и ада, как мне заснуть?!

Глава 9

На следующий день Питер подробно разъясняет мне все, что я хотела знать, и попутно все, что приходит в голову. Уже к полудню жалею, что затеяла этот разговор. Лес, страна, весь этот мир в огромной опасности – чудо, если мы вообще доберемся до Рубии. Мы тронулись в путь утром и уже успели залезть на дерево, спасаясь от злобных кабанов, и схорониться от стаи птиц, спрятавшись в листве. И кабаны, и птицы собирались нами отобедать, но Питер все твердит свое коронное: «Бывает и хуже».

И вот деревья неожиданно расступаются – мы оказываемся на холме, перед нами простирается поросшая травой равнина. Впервые лес поредел так, что видно горизонт, и я дышу полной грудью. Взгляд свободно скользит по зеленым холмам и травянистым низинам. Здесь прямо как дома, в Ирландии, не знаю, утешает меня это сходство или, наоборот, рвет душу на части. Поднимаю лицо к солнцу, прикрыв глаза – удерживаю набежавшие слезы.

Тут Питер сообщил:

– Я отлучусь ненадолго.

Ошарашенно оборачиваюсь к нему:

– Отлучишься? Куда? Ты же не думаешь, что я останусь здесь дожидаться, когда появятся кабаны, лесные львы и птицы?!

– В этом лесу водятся звери и хуже.

– Аргумент! Я с тобой.

Питер изучает меня взглядом, словно размышляя. И решительно заявляет:

– Нет.

– Но…

– Ничего с тобой не случится.

– Куда ты идешь?

– Надо кое с кем встретиться. И этот кое-кто доверия не вызывает, поэтому я пойду один. – Демонстративно оглядывается. – Здесь все прекрасно. Теперь ты знаешь, на что обращать внимание.

– Я почти все забыла!

– Надо будет – вспомнишь, – отрезает он. И на этом тема закрыта.

Я одна всего минут пять, а уже жалею, что согласилась. Совсем рядом взвизгивает какое-то животное, а в кустах за спиной что-то трещит и хрустит. Может, олень. А может, и нет.

Идти с Питером на встречу с каким-то мутным типом тоже не вариант, но было бы лучше, если бы я могла их слышать. Просто на всякий случай…

Иду по лесной опушке, хотя понятия не имею, где вообще искать Питера. Но задача решается сама собой – лес делает изгиб, а за ним, под защитой раскидистой кроны дерева, обнаруживается деревянный домишко с оконцами. К стене пристроен курятник. Куры вышагивают гордо, поклевывая что-то в траве.

Вдруг в лесу слышится подозрительный шорох. Сквозь ветки вижу одетую в черное женщину. Она направляется к дому. Коса толщиной с руку болтается за спиной, и что-то в движениях незнакомки меня напрягает. Почти крадучись она подходит к дому и прячется под окном – как и я, не хочет, чтобы ее заметили. Достала что-то из-за спины и приложила к груди. Сердце успевает стукнуть два или три раза, прежде чем до меня доходит – это арбалет! Привычным движением она вставляет стрелу, взводит курок и обходит дом, покидая поле моего зрения. Догадываюсь, что она добралась до дверей, потому что две курицы повернули головы и с любопытством заковыляли в ту сторону.

Проклятье! Она хочет ограбить дом? Надо что-то сделать! А может, – от этой мысли по спине пробегает холодок, – она спешит на помощь к жильцам, потому что *Питер* сейчас их грабит?

Не могу в это поверить, ведь я полностью от него завишу. Нет, он не способен на такое! Но я же его совсем не знаю…

Следует подойти ближе и подглядеть через окошко, что там и как. Пригнувшись, выбираюсь из укрытия и торопливо перебегаю к дому, стараясь держаться ближе к лесной опушке. Двигаюсь бесшумно, пытаюсь не наступать на ветки. На последних шагах затаиваю дыхание. Прижимаюсь к деревянной стене у окна и прислушиваюсь.

Из дома доносятся два мужских голоса. Разбираю только обрывки слов, но оба человека спокойны, очевидно, они обсуждают путешествие через лес и агрессивных животных. Не похоже на ограбление!

Внимательно вглядываюсь в мутное оконное стекло. Питер и какой-то мужчина – тому лет тридцать – сидят за столом, перед ними две чашки, по центру чайник, из носика которого идет пар. Незнакомец зачарованно листает потрепанную тетрадь.

Нет, это точно не ограбление. Тогда что нужно тетке со взведенным арбалетом? Это ловушка? Обратившись во слух, пытаюсь уловить ее дыхание. Но ничего. Только ветер в ветвях, кудахтанье кур и низкие, приглушенные деревянной стеной голоса в доме.

Я отважилась еще раз заглянуть в окно. Встав, незнакомец идет к печке и подкидывает полено. Бросает короткий взгляд через плечо на Питера, а тот стоит к нему спиной. А затем берет второе полено и роняет его на половицы. Сердце бабахает так же громко, как упавшее полено, – я спешно отстраняюсь. Он нарочно уронил, дал сигнал! Да, это ловушка!

Я приникла ухом к стене.

– И что, больше нечего рассказать? – невинно интересуется незнакомец. – Совсем нечего?

– Не того спрашиваешь. Конечно, есть куча новых сплетен о герцогах, слухи о министрах, а королева опять вообразила что-то «совершенно захватывающее». Увы, но меня это волнует еще меньше, чем клопы у тебя в спальне.

Слова сопровождаются тихим смехом. Смеется Питер, но смех не такой, как при разговоре со мной. Свободнее, веселее.

– Очень жаль, – огорчился второй. – Я надеялся на новость-другую, Джош. Сюда редко кто заходит.

Джош? Питера зовут Джош?

– С таким-то кофе – ничего удивительного, – насмешливо фыркнул Питер. Или Джош. – Но я здесь не за этим. У тебя есть оно, да?

– Да, оно у меня есть. А еще у меня есть чувство, что продаю я его гораздо дешевле настоящей стоимости.

– У нас уговор. – Тут голос Питера становится жестче – этого достаточно, чтобы волоски на моих руках встали дыбом.

– Да-да, – быстро соглашается другой. – Все так, все так. Точно.

Слышу шаги, а затем скрип тяжелого выдвижного ящика. А еще – тихий стук, приглушенный скрежетом.

Мои инстинкты больше не шепчут, что это ловушка, – они орут об этом в голос! Надо что-то делать! Но что я могу против незнакомки с арбалетом?

Питер прощается, просит незнакомца передать привет жене, когда та вернется из путешествия. Путешествие, как бы не так! Слышу скрип отодвинутого стула, снова шаги.

У моих ног валяется несколько камешков – и тут меня осенило. Идея отчаянная и опрометчивая, но у меня нет времени придумать что-то получше. Нерешительность приведет к тому, что мой спутник получит стрелу в грудь!

Беру камешек, отступаю назад и со всей силы швыряю его на крышу. Громкий удар о дерево! С испуганным кудахтаньем мечется курица. У фасада дома слышу прерывистый вздох – и затем тихие, но отчетливые шаги в сторону. Она отдаляется от меня и от двери. Отвлекающий маневр удался!

Мельком заглядываю в окно – и понимаю, что Питер услышал. Сквозь стекло наши взгляды встречаются, я торопливо показываю на дверь и беззвучно произношу губами слово: «Ловушка!»

Но он… Он что, отвел глаза?!

К несчастью, незнакомец тоже меня замечает. Но не успел ничего сделать, потому что Питер неожиданно бросился на него.

Я должна ему помочь! Прямой палки – использую ее, как меч, – было бы достаточно, чтобы не чувствовать себя беспомощной. Но за спиной раздается спокойный голос:

– Стой и не двигайся, дрянь.

Медленно обернувшись, вижу лицо женщины. Арбалет направлен прямо мне в грудь.

Время как будто растягивается. В голове круговорот бесчисленных мыслей. Здесь и трезвые размышления: можно ли уклониться от такой стрелы? Станет выстрел смертельным или тяжело ранит? И всплывают глупые сцены из кино, где герою угрожают оружием, а ему еще хватает нервов осуществить хладнокровный план побега. Я не такой герой. Просто медленно осознаю, секунда за секундой, что в руках этой незнакомки – моя жизнь, и стоит ей только согнуть палец, та оборвется. Какова цена жизни в этом мире?

Лицо незнакомки непроницаемо. Ни сочувствия, ни нервозности. Смотрит на меня прищуренными глазами как на букашку, которую не убивают лишь потому, что тогда на стене останется пятно.

Поднимаю руки.

– Пожалуйста… я не хотела…

Мой лепет оставляет ее равнодушной. Она барабанит кулаком по стене, за которой стоит такой грохот, будто мебель ломают.

– Джош! Джош Кэпли, скотина, а ну выходи, если не хочешь, чтобы я пристрелила твою мелкую подружку… – И пораженно замолкает. Что-то в моей одежде сбивает ее с толку – ее взгляд на мгновение задерживается на моих джинсах и кроссовках.

Она снова колотит в стену.

– Джош! Грэхем!

Дверь со стуком распахивается. Не отрываясь, смотрю на незнакомку, но ощущаю за спиной движение – боковым зрением вижу подходящего Питера. Он демонстрирует незнакомке пустые руки. Я чувствую ток крови – в каждой вене зуд, и он все усиливается. Это не просто потрясение перед лицом угрозы.

Это *оно*. Его воздействие. Знаю – подобная аура исходит от бойцов перед соревнованиями. Но у него она более мощная, воинственная, искренняя… Это борьба не за спортивный успех. На кону нечто большее.

– Так и думал, что ты здесь неподалеку, Лиззи, – обращается он к незнакомке со странным спокойствием, не соответствующим той энергетике, которую сам излучает.

Он проходит мимо меня, и в эту же секунду незнакомка вскидывает арбалет – теперь стрела направлена на него. Долгожданное облегчение так и не наступило. Мы безоружны. У нас нет шансов.

– Надеюсь, ты не думал, – уничижительно бросает женщина, – что мы обменяем медальон на глупую тетрадь!

Он тихонько смеется, а я не понимаю, как вообще можно смеяться в такой ситуации? Я вот собрала всю волю в кулак, только чтобы не разреветься!

– У нас с Грэхемом был уговор. Но я знал, что тебе тетради будет мало.

– И есть что-то еще? – хрипит кто-то за нашими спинами.

Я обернулась. Тот второй, которого зовут Грэхем. Кровь течет из носа, порезы на лбу, он держит нож Питера – который скорее оружие, чем обычное орудие труда, – но от одного вида клинка в его руках меня пробивает дрожь.

– Она, – недолго думая, заявляет Питер. Я медленно обращаю к нему лицо, движения мучительно вязкие, словно в кошмарном сне. Худшие опасения подтверждаются: он кивает на меня.

– Ах ты, подонок! – хочу закричать я, но из горла вырывается лишь сиплый шепот.

– Надо было подождать меня, как я просил, – невозмутимо отвечает он.

– Она бы тебя пристрелила!

На это он высокомерно ухмыляется. Может, ловушка готовилась не для него – а для меня? Но это бессмысленно, он мог бы выдать меня этим людям без особых хлопот. Да и зачем я им нужна?

– Очень мило с твоей стороны – продать ее, после того как она спасла твою задницу! – издевается Лиззи.

Питер пожимает плечами, но, когда он смотрит на меня, его взгляд мрачнеет из-за тени сожаления:

– Ты знаешь, какая судьба ее ждет. Ей лучше умереть.

Что?! О чем говорит этот подлец?!

Грэхем подходит ближе и, схватив меня за запястье, рывком притягивает к себе. Пальцами Питер невольно касается моей ладони. Случайно? Или нарочно? Хочет сказать, что ему жаль?!

Он не может этого допустить!

Грэхем приставил мне нож к ребрам – я чувствую лезвие через куртку и задерживаю дыхание. Тут не до раздумий, и в голове одна пустота.

– И сколько она стоит? – интересуется он.

– Грэхем! – шипит Лиззи. Не знаю что – волнение, гнев или страх, – но какая-то эмоция придает ее глазам оттенок, который мне совсем не нравится! Взгляд становится алчным. – Она пришла из Завременья! Во имя Матери, ты что, не видишь?

Грэхем оглядывает меня с головы до ног и тяжело сглатывает.

– Так про любого сказать можно, – выдавливает он из себя. – Странная обувь ничего не значит! Их можно откуда-нибудь стащить, вот как тетрадь! Ты же знаешь Джоша!

– Ты права, – соглашается Питер, глядя на Лиззи. – Она пришла из Завременья. И пока никто не знает, что она здесь.

– Грэхем! – с нажимом повторяет Лиззи.

Грэхем беспокойно дергает плечами.

– И что нам с ней делать? Вряд ли получится запереть ее в курятнике.

– Болван!

Она хватает арбалет, направляя его прямо на меня, и вырывает у мужа мою руку. Пальцы, холодные и влажные, тисками сжимают мое запястье.

– Тащи веревку, живее! Как думаешь, сколько люди за нее заплатят?

– Ради Матери и утра, – бледнея, бормочет Грэхем, – это зашло слишком далеко! Она же нас…

Взгляд Питера внезапно становится колючим.

– Да, это и впрямь зашло слишком далеко, – с пугающим спокойствием соглашается он, а дальше события разворачиваются стремительно.

Питер нападает на гневно взвизгнувшую Лиззи. Стрела срывается с тетивы и вонзается в стену рядом с Питером. Грэхем толкает меня с такой силой, что я лечу на землю. Перед глазами все плывет, моргаю, чтобы зрению вернулась четкость. Лиззи жестоко бьет Питера

в лицо локтем, но в следующее мгновение он заламывает ей руку – и она ничком падает на землю, колено Питера упирается ей между лопаток, удерживая на месте.

Дышу прерывисто. Грэхем, больно намотав мои волосы, сжимает шею в захвате и рывком поднимает меня на ноги. И приставляет нож к горлу. Холодный металл царапает кожу.

– Кэпли!

Какая же я беспомощная! Отвратительно! Больше всего на свете ненавижу беспомощность!

– Зарежу! – задыхаясь, угрожает Грэхем. – Джош, ты меня знаешь, я это сделаю! Отпусти мою жену!

Питер, Джош, кто он там еще, даже не собирается никого отпускать. Уголок его рта подергивается, словно он изо всех сил сдерживает улыбку.

– Мы оба знаем, что ты не посмеешь.

Из моей груди вырывается вздох, похожий на скулеж. Откуда такая уверенность?! Лезвие огнем жжет кожу. Этот Грэхем совершенно поехавший! Он боится, а страх делает людей непредсказуемыми!

– *Она* накажет тебя, – продолжает Питер тихим, почти ласковым шепотом. – Она обречет тебя на вечность в Бездонном Ущелье. Хочешь туда, а, Грэхем? Туда, где собираются темные лиаскайцы?

Чувствую, как Грэхем дрожит. И с каждым ударом сердца отчаяние отступает. Я не беспомощна. Время, проведенное в додзе, не прошло даром. Грэхем об этом не знает, и это дает мне преимущество.

Медленно поднимаю руки, шепча: «Пожалуйста». Умом я далеко отсюда. Нож – это муляж, а Грэхем – партнер по тренировке. Рядом стоит Люсинда и зорко следит за происходящим.

Быстро! Хватаю его запястье – полуоборот к нему, чтобы избавиться от лезвия у шеи. Обеими руками фиксирую оружие на уровне груди, одновременно с этим делаю движение бедром, ныряя под руку Грэхема. Теперь клинок у его пояса. Секунда колебаний – и я рывком смещаю вес. Острие ножа скользит по его бедру. Неглубоко. Но этого достаточно, чтобы от боли он потерял равновесие. Пинаю его в колено, вырывая нож из руки. Еще один удар – и Грэхем бухнулся на землю, прямо на колени.

– Неплохо, – оценивающе заметил кто-то.

С большим трудом отвожу взгляд от Грэхема, крепко сжимая нож, и вижу склонившегося надо мной Питера. На его физиономии – смесь одобрения и удивления, а Лиззи ядовито и желчно проклинает его и костерит Грэхема – мол, она всегда знала, что связываться с Джошем Кэпли себе дороже.

Питер склоняется к ней.

– Он совершенно прав. Туфли – краденые.

– Ты сгниешь в Бездонном Ущелье, грязный ублюдок!

– Возможно, но если говорить честно… Откуда мне взять девчонку из Завременья? И с чего бы мне отдавать ее таким ничтожествам, как вы? – Он смеется, словно наслаждаясь ее всеобъемлющей яростью. – Настроение не очень, да, Лиззи? А ведь ты еще не знаешь, что тетрадь – тоже подделка!

Она испускает невнятный вопль, а Питер, равнодушно потрепав ее по плечу, поднимает взгляд на меня.

– Марианна, ступай в дом. Там на столе – или под столом – валяется кожаная котомка. Принеси ее мне, милая.

Милая?! Да он спятил! Страх как хочется *мило* плюнуть на него и уйти, но я не знаю, надолго ли муж с женой вышли из строя. Поэтому сделала так, как он повелел, – поспешила за котомкой. Вернувшись, обнаружила, что по неизвестным причинам – даже думать о них не

хочу – Лиззи стащила с себя штаны и ботинки. Обеспокоенный муж уселся рядом и пытался утихомирить Лиззи, тем самым навлекая ее гнев на себя.

Протягиваю Питеру котомку. Приняв ее, он тянется к арбалету. Но не для того, чтобы взять с собой, – хотя оружие в лесу не помешало бы. Вместо этого он поставил арбалет к стене дома и с силой наступил – деревянное ложе ломается. Лиззи взвыла так, словно Питер сломал ей кость. Питер же невозмутимо бросил остатки арбалета ей под ноги и поднял с земли штаны с ремнем и шнурованные ботинки.

– Ваше гостеприимство оставляет желать лучшего, – подытоживает он. – Но самое отвратительное – это ваш кофе. Такого мерзкого пойла мне еще нигде не предлагали. Пойдем, милая.

Глава 10

– Майлин, – уточняю я, когда мы прилично отдалились от дома, и я окончательно уверилась, что те люди нас не преследуют. – Меня зовут Майлин. Не Марианна и совершенно точно не *милая*.

Тут он резко схватил меня за воротник куртки, дернул на себя. Мое сердце забилось быстрее, и я рефлекторно попыталась вырваться, понимая, что ничего у меня не выйдет. Его веселость улетучилась, он в таком бешенстве стиснул зубы, что на лице проступили желваки. Только теперь, стоя прямо перед ним, я вижу, что потасовка в доме не прошла даром. На его скуле наливается синяк. Лиззи неслабо ему врезала.

– Слушай очень внимательно, – тихо произносит он, наклонившись так близко, что его нос касается моего лба, а дыхание обдает виски, – в следующий раз, когда я скажу подождать, ты будешь ждать. Поняла?!

Он не спрашивает, а утверждает. Однако я перечу:

– Нет.

Голос дрожит, и, прочистив горло, я продолжаю:

– Нет. Я все поняла, но не буду ждать.

Меня охватывает неуместное желание прислониться к нему. Пусть бы он сказал, что у него все было под контролем, что все пренебрежительные слова в мой адрес – только чтобы выбраться из беды живыми! И я бы поверила! От его спокойствия – не знаю, притворного или нет, – я чувствую себя неуверенно и тяжело. Однако справляюсь.

– Да-да, в следующий раз, когда кто-нибудь подстережет тебя с арбалетом, я просто подожду и посмотрю, что будет.

Он пристально изучает мое лицо – в ответ я смотрю на него и не могу отделаться от ощущения, что он увидел гораздо больше, чем мне хотелось бы. Может, даже больше, чем я подозреваю.

– Ты боишься? – спрашивает он.

– А тебя это удивляет?!

Нас чуть не подстрелили из дурацкого арбалета! Но он… он совсем не боится. Кажется, ему все произошедшее в какой-то степени доставило удовольствие. Точно, он – сумасшедший!

– Нет. Просто бояться ты должна гораздо сильнее, – говорит он и почему-то расслабляется. – Но не за меня.

– Конечно, нет. Ты и со стрелой в груди можешь отвести меня в Рубию.

Его губы дрогнули.

– Конечно, могу. Если захочу.

– Ври дальше, а я пошла.

Ослабив шнуровку конфискованных ботинок, висевших у него на поясе, Питер вручает их мне.

– Надеюсь, подойдут. В твоем диковинном наряде нельзя ходить в Лиаскай.

Смотрю на ботинки. Фу, какое старье. Этого еще не хватало!

– А почему?

– Слишком броская. А теперь пора идти дальше. Скажу только: ты молодец. Трусишь, но отвага в тебе есть.

Отбей он внезапно чечетку, я и то удивилась бы меньше, чем этой похвале.

– Запомни уже, меня зовут Майлин, – прохрипела я.

Пожав плечами, он отворачивается, и мы идем дальше.

– Не выбалтывай свое имя каждому, мисс Уолш.

– Значит, тебя зовут не Джош Каплей?

Бросает на меня выразительный взгляд, словно говоря: «Ты это серьезно?»

Конечно, нет, мне следовало догадаться.

– Питер мне все равно нравится больше. Питер из Нетландии.

Ответом он меня не удостоил. Возможно, его недавнее поведение – лишь спектакль? Спектакль, надо отдать должное, необычайно хороший, но сейчас он закончился.

– Кто были те люди? – интересуюсь я. Адреналин сошел на нет, и руки-ноги у меня дрожат.

– Воры, – объясняет Питер. – Жалкие никудышные воришки.

– Они для тебя что-то украли?

Презрительный вздох.

– Дуракам везет. Украли кое-что и не знают, что с этим делать.

– Даже ты? И Грэхем был готов обменять это на тетрадь? Именно на тетрадь?

– На записи одного гвардейца в чинах, он со своими людьми следит за порядком в этих краях.

Понимаю. Наверное, ворам это дает большое преимущество – выяснить, что известно противнику.

– Но ты подсунул им фальшивку.

Питер улыбается собственным мыслям – и эта улыбка пугает.

– Нет, записи подлинные. Но воришки наверняка прямо сейчас жгут их в печи, думая, что они поддельные. Врать надо много. Тогда можешь однажды смело сказать правду, в которую никто не поверит.

– Ты украл ту тетрадь?

Молчит, но ускоряет шаг, и я отстаю. Ну да, дурацкий вопрос. Откуда ему еще взять записи?

– А что ты забрал?

Очень жалею, что не заглянула в кожаную котомку.

– Что-то очень ценное, раз ты так рисковал. У тебя ведь даже оружия нет? – допытываюсь я.

В конце концов, нож Питера – лишь карманный ножик.

– Никто не сунется в Жадные леса с оружием, если жить не надоело, – отвечает он так, словно это всем известно.

– Почему же?

– В оружие въелась смерть. Звери чуют ее и идут по следу.

Некоторое время я размышляла, прав ли он или из-за его глупых суеверий нас подстерегает ужасная опасность. И тут поняла, что он проигнорировал первый вопрос.

– Так что тебе досталось от воров? – повторяю я.

– Синяк.

– Не смеши. Что в котомке? – спрашиваю я. На ощупь в котомке было что-то круглое, но плоское.

Питер пронзил меня хмурым взглядом.

– Кто ты такая, мисс Уолш? Чего лезешь куда не просят?

Я фыркаю.

– Я помогла тебе заполучить эту штуку. Без меня ты бы угодил в западню.

На этот раз он даже не обернулся – коротко пожал плечами. «Может, да. А может, и нет», – наверное, подразумевается это.

– Ладно, забыли! – кричу я, поняв, что он не ответит. – Я и знать не хочу! Догадываюсь, ты мутишь что-то нехорошее! В моем мире порядочные люди не тащатся несколько дней по глухомани в одиночку, чтобы обменяться украденными вещами!

И добавляю, потому что меня несет:

– Но здесь, может, иначе!

– Может, – тихо соглашается Питер, – а может, и нет. Доверяй своему чутью, мисс Уолш, оно не подводит.

– Это предостережение? От кого, от тебя?

Питер улыбается мне через плечо. Улыбка опасная.

На мгновение я останавливаюсь. Гляжу ему вслед, раздумывая, кто он, куда на самом деле идет и хорошая ли это идея – следовать за ним? Инстинкт подсказывает, что я подошла близко к границе, переступлю ее – и изменится все, что изменять нельзя. Однако тот же инстинкт велит: иди с ним.

Мы с инстинктом потом разберемся. А пока я спешу за Питером.

Я сразу поняла: что-то не так. А на следующий день смогла дать этому название: «Мы возвращаемся».

Последнюю ночь мы провели в той же сторожке, что и предыдущую, но я объяснила это странной встречей с ворами. Может, Питер встревожен гораздо сильнее, чем показывает. Но и теперь мы шагаем в ту сторону, откуда пришли!

Питер на мои вопросы не отвечает. Одно я точно усвоила: его молчание означает, что я права.

– Мы все три дня шли на север. А почему теперь идем на юг?

– Потому что Рубия на юге, – сообщает он. – Я же не говорил, что она на севере.

– Но мы…

– Три дня шли на север, потому что мне нужен был синяк.

Его дерзость меня страшно возмущает! Так и хочется на него рявкнуть!

– Мог бы предупредить!

Он ускоряет размашистый шаг.

– Я сказал, что не буду делать крюк ради тебя. Вот с этим *ты* смирись.

«Дружок, да ты меня надул, – гневно думаю я. – Но это в первый и последний раз».

– На следующем привале нарисуешь мне карту этой проклятой страны.

Вечером, не споря, Питер чертит мне карту. Потрескивает огонь, а Питер палочкой выводит на полу очертания Лиаскай. Мы – на самом севере страны, рядом с соседним государством Отрелией. По холмистой равнине, где находится жилище воров, должна проходить граница. Рубия же расположена в центре южной части Лиаскай.

Разочарованно вздыхаю.

– Это невероятно далеко!

Питер устало трет лоб.

– Да. Мне очень жаль.

Но я давно на него не злюсь. Здорово, что он вообще ведет меня в город.

– Однако, – тихо продолжает Питер, – скоро мы будем двигаться быстрее.

О чем это он? Но сколько бы я ни спрашивала, Питер не поясняет, что имел в виду.

Молча сидим рядом, уставившись в огонь. Все ломаю голову над тем, что Питер наговорил вчера. А вдруг это не просто ерунда, которой он пытался задурить воров? Тут выныриваю из раздумий – Питер накрыл мою руку своей. Осторожно, почти невесомо, словно он сомневается и в любой момент готов отдернуть руку.

– Порядок, мисс Уолш?

Я чуть не рассмеялась. Какой в этом мире может быть порядок?!

– Почему та тетка решила, что я имею ценность? – спрашиваю я.

«И почему я должна умереть?» – хочу спросить следом, но получается лишь беззвучно прошелестеть губами.

Он вздыхает.

– Я знаю, что тебя бесят мои расспросы, но…

– Нет, – мягко возражает он, – ты должна знать. Это касается тебя. – Он подвигается чуть ближе. Руку не убирает. – Девушкам из твоего мира в Лиаскай уготована особая судьба. И, когда приходит время, она оборвется со смертью.

– Но… – Не знаю, что сказать. Просто хочу, чтобы Питер все объяснил.

– Здесь люди твердо придерживаются своих религиозных традиций, и все равно, сколько жизней это стоило и будет стоить.

Взгляд у него гипнотический, блуждает от моих глаз к губам и обратно.

– Звучит так, будто этих девушек приносят в жертву.

– Не только звучит.

По спине бежит холодок.

– Поэтому ты сказал, что мне лучше умереть?

Он отводит взгляд.

– Тогда я правда так думал.

Ах! Большое спасибо!

– А теперь ты так не думаешь?

– Мне кажется, ты сможешь освоиться в Лиаскай. Ты не медлишь, когда надо действовать, – в этом твое преимущество. Будь умницей, не болтай, откуда ты, – и все получится.

И на ногах у меня краденые ботинки. Так вот зачем он украл одежду Лиззи – чтобы я не выглядела иностранкой. Что мне думать о Питере? Он раскрыл ворам, что я из другого мира. И они точно ему не поверили. Побольше лжи, чтобы спрятать правду.

Но где правда, а где ложь?

– Я хочу домой, к семье, – заявляю я. – Хочу, чтобы получилось. У меня *получится*.

– Ты требуешь слишком многого. – Голос спокойный и тихий, но в нем проскальзывают веселые нотки. – Но кому, как не тебе, требовать невозможного?

«Да уж, кому, как не мне», – с сарказмом думаю я. Но все же поддаюсь желанию прижаться к нему – прижаться к прекрасной лжи и спрятанной правде, мне недоступным. Надо только перенести вес, склонить голову – и вот уже моя рука в его руке, моя голова покоится на его плече.

На мгновение он напрягается: не зашло ли все слишком далеко? Однако лишь шепчет:

– Ты попала в самую опасную страну на всем белом свете. Может, есть и похуже, но других я не знаю. Здесь возможно все – даже то, о чем ты не догадываешься.

Рукой тянется к моим волосам – и снимает с ворота куртки листочек, который я не заметила. Одного этого прикосновения достаточно, чтобы в груди сладко защемило. Эй, сердце, это не лучшая идея!

Не могу больше так сидеть у огня, поэтому встаю.

– Быстренько сбегаю на улицу, а потом пойду спать, – информирую я, взяв факел и зажигая его.

Неожиданно Питер произносит:

– А проверю-ка я, нет ли в твоей постели пауков.

Моя маленькая фобия его необыкновенно веселит! Когда-нибудь он точно подкинет мне в постель ползучую тварь!

– Герой моей спальни! – с игривым намеком отвечаю я.

Это отблеск пламени или он немного покраснел? Понимаю, что уставилась на него с откровенным любопытством. Поспешно выхожу из сторожки.

Теплая ночь темна и тиха. Ветерок, как бархат, ласкает кожу. Я уже не боюсь выходить, хотя и знаю, какие опасности здесь подстерегают. «Будь осторожна и почтительна, – поучал меня Питер, – но не бойся. От страха теряют голову. В Лиаскай страх убивает».

Отошла на несколько шагов, чтобы помочиться. Уже на обратном пути краем глаза замечаю искорку. Первая мысль – светлячок. А вторая пронзает словно ножом. Огонек, переливаясь, меняет цвет. Питер предупреждал об этих существах.

Бросаюсь к сторожке, вбегаю и плотно захлопываю дверь.

– Там те светящиеся штуки! – шепчу я. – Эти… забыла, как их…

– Духосветы?! – Питер вскакивает на ноги, и меня пробирает холод. В глазах Питера плещется паника. Или это мерцает огонь?

– Много?! – допытывается он, в мгновение оказавшись у двери. – Они близко?!

– Я видела только одного… – лепечу я. Кажется, что истерю напрасно. Ну что нам сделает один-единственный недосветлячок? – Видела в нескольких шагах от сторожки.

Питер сдавленно выругался.

– Что нужно этим созданиям? – Я перехожу на шепот. – Пожалуйста, скажи, бывает и хуже?

Питер молчит – и по моей спине ползут мурашки.

– Увы, хуже бывает редко, – наконец тихо сообщает он. Прислонившись лбом к косяку двери, прикрывает глаза. – Когда они будут здесь, туши огонь и прячься.

– Как? А ты…

Резко взмахнул рукой, заставляя меня умолкнуть. Не смею вздохнуть в страхе, что существа услышат дыхание.

Питер придвигается к стене – туда, откуда тянет сквозняком. Смотрит сквозь щель между досками. Обернувшись, качает головой.

– Да, ты права. И их там много. Очень много. Гаси огонь и прячься. Я их отвлеку. И, что бы ни случилось, оставайся в сторожке!

– Но… – Внезапно меня обуяла паника: внутри все похолодело, я не могла дышать. – Ты не можешь оставить меня здесь одну! Еще и в непроглядной темноте!

– Могу и оставлю, – резко оборвал меня он. Смотрит мне в глаза спокойным, почти неподвижным взглядом, но я догадываюсь, что в голове у него полный кавардак. Поднимает руку, словно собираясь коснуться моего лица, – но нет, сжимает кулак и смотрит на пламя.

– Не могу тебе помочь. Я бы хотел, но…

А в следующий миг я зажимаю рот рукой, чтобы не заорать в голос: издав странный рычащий звук, Питер вырывает у меня из рук факел и выскакивает из сторожки. Дверь за ним с треском захлопывается.

Я осталась одна.

Глава 11

Сердце бешено колотится в груди – боюсь, что его стук слышно снаружи. С улицы не доносится ни звука. Жуткая тишина просачивается сквозь трещины в древесине. Нереальная тишина – такая бывает в ночном лесу. Отчаянно силюсь вспомнить, что Питер рассказывал про тех тварей. Духосветы… Они охотятся ночами, их привлекает свет… Обычно свет отпугивает разных существ, поэтому мы не тушили огонь. Дрожащими руками задвигаю засов на двери, тушу огонь и на всякий случай прячусь под лежанку. Долго лежу на ледяном полу, паутина путается в волосах. Как же мне страшно! Пытаюсь убедить себя, что с Питером ничего не случится. Он знает, что делает. Так? Да? У него точно есть план, иначе он бы не выбежал! Но почему он не возвращается?

Неправдоподобная тишина постепенно покидает сторожку. Сперва слышу, как под кровлей шумит ветер. Затем – карканье и крики ночных птиц, им вторит стрекот насекомых. Шуршит листва, и сначала я думаю, что это идет Питер. Но затем улавливаю хриплое сопение, пыхтение, а затем что-то скребется, царапает стену сторожки прямо там, где лежу я. Безобидный кабан? Или какая-нибудь маленькая зверушка, которая питается костями? Может, лесной лев или черный волк, о которых рассказывал Питер?

Я просто хочу домой. Больше ничего. Просто хочу домой.

Вместо того чтобы свернуться на лежанке калачиком, я решилась только сесть. Сна ни в одном глазу. Я взбудоражена, такое ощущение, что тело никогда не сможет расслабиться.

Наконец слышу стук в дверь. От облегчения из моих глаз катятся слезинка-другая, я отодвигаю засов так быстро, как могу, и шепчу:

– Все в порядке?

Питер стоит в дверях, привалившись к косяку и тяжело дыша. Он выглядит таким измученным, словно несколько часов держал на плечах небесный свод, чтобы на наши головы не обрушилась ночь. Что-то сверкнуло, и я в ужасе посмотрела за его спину. Между деревьями виден свет – длинные, вытянутые, светящиеся тени. А между ними пляшет тьма – чернее черноты.

– Заходи, живо! – лепечу я, хватая Питера за руку, и, задыхаясь, затаскиваю его внутрь. Рука Питера холодная и напряженная, а лицо… В отблесках этих существ мне на мгновение померещилось, что вместо кожи у него камень.

– Что с тобой? – вскрикнула я. Боже мой, я даже не уверена, что это действительно Питер!

– Закрой дверь, – простонал он. Голос обессиленный, но, без сомнений, это голос Питера. Его шатает. И его снова озаряет тот яркий свет снаружи. Не считая синяка, нездоровую бледность и изнуренность, выглядит он как обычно. Может, почудилось? – Дверь! – повторяет он, ловя воздух ртом. Оставив его, бросаюсь к двери, а он на ощупь ищет лежанку, но хватает пустоту. С грохотом падает, бормоча сквозь зубы ругательства.

– Дверь, – напоминаю сама себе. Сначала дверь. Заперев засов, вслепую бреду в темноте и спотыкаюсь о Питера, без сил валяющегося на полу.

– Эй, ты там дышишь? Только попробуй не дышать! Я вышвырну тебя отсюда, если ты…

Чувствую только, как дрожат мои собственные руки. Затем нащупываю на его шее пульс. Пульс бешеный, но ритмичный. И кожа нормальная. На всякий случай трогаю его лицо. Волосы, взмокший лоб, щеки. Щетина и ледяная кожа. Тоже все в порядке. С облегчением вздыхаю. А его лицо… может, это связано с духосветами? Или мне померещилось?

Нельзя оставить Питера на холодной земле, но он слишком тяжелый, чтобы затащить его на лежанку, – трясу его за плечо, но он не просыпается. Дышит быстро и неровно, постанывая, будто ему снится кошмар.

Подкладываю ему под голову куртку, которую я постоянно носила, и укрываю двумя одеялами. Больше ничего не могу сделать. Подтянув колени к груди, сижу рядом с ним, моя рука на его спине – так я чувствую, что он дышит.

Туманный серый рассвет запустил свои щупальца в сторожку, когда Питер наконец пришел в себя и, моргая, сердито посмотрел на меня.

– Что случилось? – хрипло шепчу я.

– Ничего, – говорит он, поднимаясь и потирая лицо. – Все в порядке. Выдвигаемся в путь.

Он ужасно бледный, а влажные от пота волосы прилипли ко лбу.

– Как… ничего?! Не верю, ничего не в порядке!

– Это уже твое право, во что верить.

– Что это за существа? Что они с тобой сделали? И как ты от них сбежал?

– И твое право найти себе другого сопровождающего. До деревни, о которой я упоминал, всего два дня пути.

Не может быть, чтобы он говорил это серьезно…

– Что, даже спросить нельзя?

Хочу схватить его за руку, но он отшатывается.

– Принуждаешь меня к ответу? Брось ты это дело.

Не верю своим глазам! Поначалу он меня пугал, потому что он тот человек, который смотрит прямо в глаза и не нервничает по делу или без дела. Теперь он все время пялится в землю и не дает даже подойти к нему!

– Что я такого сделала, что ты решил от меня отделаться?! Мне было жутко страшно! Ты не забыл, ты должен…

– Я так не могу! – набрасывается он на меня, и я невольно отступаю. – И ничего я тебе не должен. А теперь собирай свое барахло или дальше попрешься одна.

Подняв свою заплечную котомку, Питер вышел из хижины.

Несколько мгновений стою неподвижно, отказываясь верить, что он так грубо отмахнулся от моих расспросов. Но он прав. Он ничего мне не должен. Потому что он и так вышел из сторожки ради меня.

Только вечером он снова заговаривает со мной, когда мы выходим на какую-то опушку – в этой части леса нет сторожки. За прошедшую ночь я так вымоталась, что готова спать стоя… Но теперь сна ни в одном глазу, я слишком встревожена:

– Здесь мы совершенно беззащитны!

– Как и всегда, – холодно цедит Питер. Фиолетовая гематома оттеняет его мертвенную бледность. Тем временем начало смеркаться, я возвращаюсь мыслями к тому, что видела ночью. – Или ты полагала, что какие-то бревна удержат диких существ, если те захотят проникнуть внутрь?

Успокоил, что называется…

– А вдруг появятся духосветы?

– Они сытые.

Голос такой мрачный, что меня пробирает дрожь, а вопрос, чем наелись духосветы, застревает в горле.

– Что самое худшее в этом лесу? – шепотом спрашиваю я, не зная, получу ли ответ. – Ты упомянул, что есть существо похуже духосветов. Какое же?

Уголки губ Питера ползут вверх. Никогда не видела такой улыбки – смесь снисходительности и презрения. Непонятно, к кому он испытывает эти чувства? Ко мне? Догадка ранит больнее, чем хотелось. И снова мне чудится, что на его лицо падает тень, странным обра-

зом изменяющая черты. Словно Питер превращается в камень, неотесанный потрескавшийся камень. Но стоит моргнуть – и наваждение проходит. Боже, я смертельно устала!

– Худшее в этом лесу, да? – наконец переспрашивает он. – Это я.

Понятно: в эту ночь я не засну.

Уже целую вечность мы молча сидим у костра. Питер не сводит глаз с языков пламени, словно ждет чего-то от них, не способных ему помочь. Трудно сказать, выглядит он *опасным* или просто *потерянным*. И есть ли вообще разница?

Питер запрокидывает голову и смотрит на небо. Сначала думаю, что он разглядывает звезды, но, подняв глаза к небу, понимаю – я ошиблась. Он всматривается не в звезды. А в пустоту между ними.

Затем он произносит:

– Полночь миновала. Можешь теперь спать.

Вслушиваюсь в ночь.

– Не уверена, что засну.

– Ну тогда не спи, – отрезал он.

Глаза прикрыла лишь на мгновение – а уже стелется туман, дрожит роса, от огня остался холодный пепел, умолкли ночные звери. И Питер куда-то подевался.

Тихонько вздыхаю – этот парень вымотал мне все нервы – и иду умываться. Вернувшись к кострищу, вижу Питера – и он не один. По бокам от него стоят две лошади и недоверчиво косятся на меня.

– Где ты их достал?

Что это, испуг или облегчение? Лошади оседланы, верхом мы однозначно доберемся быстрее. Семь лет я не приближалась к лошадям. Слишком много воспоминаний скрывается в запахе их шелковистых грив.

– Надеюсь, ты умеешь ездить верхом, – вместо ответа выдает Питер.

– И тебе доброго утра! В детстве я много ездила, но…

Молча сует мне поводья кремовой кобылы со светлой гривой. Та скептически поглядывает на меня, да и я рассматриваю ее без особого энтузиазма. Она невысокая, но крепкая, а умный взгляд красноречив – это тебе не смирная лошадка из спортивной школы, она свою силу знает.

В смятении бросаю взгляд на Питера, который залезает на свою лошадь. Игреневая кобылка, которая, кажется, хочет показать норов. Она вертится волчком, пока Питер взбирается на седло, а когда он уже сидит в нем, лошадка собирается встать на дыбы. Надо бы взять поводья и отдернуть лошадь, но Питер оставляет их болтаться, сбрасывает стремена, прикрывая глаза. Он что-то шепчет, и лошадь постепенно успокаивается.

– Все нормально? – поинтересовалась я.

– Ее беспокоят духосветы.

– Они где-то рядом?

– Нет.

Ну конечно, нет. Белый же день. А это значит, лошадь почуяла, что Питер имел дело с этими проклятыми тварями?..

Собираю все мужество в кулак, чтобы сесть на лошадь.

Конский запах будоражит сознание, и я прикладываю все силы, чтобы остаться Здесь и Сейчас. Но сердце говорит о своем, и я уношусь мыслями на годы назад. На семь лет назад. Фырканье лошади. Стук копыт в конюшне. И затем – та ужасная тишина.

– Если желаешь, можем остаться здесь еще на одну ночь, – ворчит Питер и, сам того не зная, спасает меня, вырывая из воспоминаний.

«Возьми себя в руки», – приказываю сама себе, ставлю ногу в стремя и запрыгиваю на лошадь.

– Наконец-то! – с этими словами Питер тронул свою лошадь с места.

Легко сжимаю бедрами бока лошади – ничего не происходит. Кобылка просто стоит.

– И что теперь? – шепчу я, прикусывая язык. Сдавливаю бока лошади сильнее. Никак. Лошадь будто приросла к земле. Питер едет впереди, словно не замечая мою трудность. Пробую еще раз, сильнее. И опять никакой реакции.

Тут Питер все же развернулся и легкой рысью подъехал к нам.

– Ты говорила, что умеешь ездить!

– Я-то знаю, как ездить верхом! – раздраженно огрызаюсь я, пытаясь снова. – А эта кляча знает, как возить людей?

Питер таращится на меня в полном замешательстве.

– Что ты делаешь своими ногами? Просто дай лошади бежать, она это сама прекрасно умеет!

– Я пытаюсь! Она не идет!

– Ты уверена, что раньше ездила верхом? На лошадях?

– Не-е-е, по радуге на розовых коровах в клеточку! – вырывается у меня. – Конечно, на лошадях!

Тут мне в голову приходит идея, как заставить эту мерзкую клячу двигаться. Беру поводья и дергаю, чтобы развернуть лошадь. Может, в другую сторону дело пойдет лучше? Но лошадь просто игнорирует мои потуги – только трясет головой, и поводья больно впиваются в пальцы.

– Все, что ты делаешь, – подытоживает Питер, – не имеет ничего общего с ездой верхом. Надо увлечь лошадь, заставить захотеть то, что нужно тебе. А не ерзать на спине лошади, ее это нервирует.

– *Увлечь*? – ядовито переспрашиваю я. – Мне, может, раздеться?

Питер пропускает мою колкость мимо ушей.

– Создай ей картинку.

– Что-что?!

– Образ. Лошади общаются на эмоциональном уровне, но для людей это слишком сложно. Но мы можем показывать им образы. Представь себе то, чего сама хочешь, и покажи лошади так здорово и прекрасно, чтобы она тоже захотела.

– Как это работает? Никогда о таком не слышала.

Видимо, здесь под верховой ездой понимают не то, что у меня дома.

Питер тихонько щелкает языком, а моя кобылка дергает ухом в его сторону. Затем начинает жевать, словно получила что-то вкусненькое – знак, что она поняла. Питер без малейших усилий трогает свою лошадь с места, и моя кобылка ступает за ним.

– У меня нет слов, – признаюсь я. Слов нет, но немного завидно. – Как ты этого добился?

Подавляет вздох.

– Я представил, что она следует за Бруной, и показал ей этот образ. Делов-то. Увлечь лошадь не так сложно.

– Но как именно ты показал ей образ? – допытываюсь я.

Питер говорит, словно это что-то само собой разумеющееся, но ведь речь о телепатии! Телепатическое общение с лошадью! Это же… Не хочу сказать, что бред, однако да, это бред! Но в глубине души я радуюсь, что Питер снова общается со мной. Не знаю, что произошло между Питером и духосветами, но это отпечаталось на нем тенью.

– Может, тебе объяснить, как дышать? Надеюсь, не надо. – Питер бросает на меня взгляд через плечо. – И как ты сидишь в седле? Тебя и на час езды не хватит.

Силюсь вспомнить инструкции с уроков верховой езды, чтобы не ударить в грязь лицом. Пятки вниз, спина прямо, поводья подобрать.

Питер едет совсем по-другому. Он сидит вольно, позволяя лошади самой выбрать дорогу. Такой стиль езды гораздо уместнее, если в седле надо провести много дней, это очевидно. Немного отпускаю поводья и стараюсь расслабиться. Лошадь реагирует немедленно – становится податливее. Теперь не встанет на дыбы и не понесет при первой же возможности.

– Так где ты достал лошадей? – снова начинаю спрашивать я. – Разве они могли появиться так внезапно?

– Вот эта, – он указывает на кремовую лошадь, – моя. Зовут Нурия. Я оставил ее у знакомого, он живет неподалеку. Не беру лошадь в Жадные леса.

– Почему же?

– Хм, может, потому, что здесь опасно? – В его голосе сквозит ирония, ведь я не понимаю самого очевидного. – Рисковать жизнью или нет? Это я решаю за себя. Но не за лошадь, которая без колебаний умрет, если я ее попрошу.

Близость лошадей его вроде как успокаивает. Чувствую, что ему еще нехорошо, но он дышит свободнее и не прерывает мои расспросы.

– А темненькая лошадь?

– Эта моего знакомого.

– Почему ты отправился за ними ночью, даже не предупредив меня, что уходишь?

Ответа не последовало. Питер меняет тему.

– Перейдем на рысь? К вечеру доберемся до гостиницы. Или не доберемся, если лошади уснут от скуки.

С сумерками прибываем в гостиницу. Постояльцев здесь нет, поэтому хозяина – он же повар и прислуга – наш приезд приводит в упоение.

– Благодарю Матерь, что проснулась сегодня утром и послала вас! – твердит он как заведенный. – Надеюсь, вам придутся по вкусу блюда моей кухни! А если останетесь недовольны, так и скажите!

Но как тут можно остаться недовольным? Свежеиспеченный хлеб, овощное рагу и сало. А еще я принимаю ванну! К моему восторгу, здесь есть не только мыло, но и водопровод: качаешь рычаг – и ванна наполняется водой. Вода холодная, но какое же непередаваемое блаженство – наконец вымыть голову! Радует, что здесь имеется не только кровать с чистыми простынями, мягким матрасом и теплым одеялом. Но также вся комната в моем распоряжении, и – вишенка на торте – дверь запирается!

Спать бы мне непробудным сном. Но нет, лежу и размышляю. Не могу оторвать взгляд от ночных небес – я вижу их через окно, не захотела задвинуть шторы. Мысли блуждают далеко отсюда, и, может, поэтому я понимаю, отчего небо над Лиаскай кажется таким знакомым.

Дело в созвездиях. Они те же, что сияют над Керри, над Килларни. Каждую ночь, лежа в постели, я смотрю через окно на эти звезды и мечтаю…

Глава 12

Утром я уже завтракала в столовой, когда Питер спустился по лестнице и подошел к стойке. Глаз не отвести! Он тоже вымылся, побрился и надел чистую белую рубашку. Верхние пуговицы расстегнуты, и на шее Питера я замечаю кожаный шнурок с ракушечной подвеской. Выглядит Питер до возмутительного прекрасно. Впрочем, как всегда. Но исчезла смущавшая меня чужеземность. На миг я даже пожалела, что познакомилась с ним не в Ирландии. Может, там мы не трепали бы друг другу нервы, а просто проводили бы время вместе. Ходили бы с друзьями в паб – поиграть в боулинг или потанцевать, может, поехали бы на побережье потусить на пляже. Только мы вдвоем. Так и хочется замурлыкать.

Питер звонит в колокольчик, и хозяин торопливо выбегает из кухни, чтобы не разозлить его. Моя надуманная картинка разбивается на тысячи осколков. Мои сверстники не проявляют такой властности, не улыбаются так угрожающе. Ни один из них не меняет маски, желая пофлиртовать с опасностью. И ни за одним из них, словно тень, не следует по пятам тьма.

Питер толкует с хозяином – слышу не все, но вроде он хочет оплатить счет. И снова муки совести. Как мне вернуть ему деньги? Но вчера он и слышать об этом не хотел. Хозяин называет цену, но, к моему изумлению, Питер не лезет в котомку. Склонившись над стойкой, он что-то шепчет хозяину. Тот, выпучив глаза, таращится на меня, потом снова на Питера – и отвешивает бесчисленные поклоны.

– Что же вы сразу не сказали! – вопит он. – Спасибо Матери и раннему Утру! Такая честь! Спасибо королеве!

Позже, когда мы едем между полей по узкой грунтовой тропинке, которую едва ли можно назвать дорогой, я заговариваю об этом с Питером:

– Сколько ты дал хозяину, что он так обрадовался?

– Нисколько, – отзывается Питер. – Наш ночлег оплатит королева.

– Королева? – Пытаюсь пустить лошадь рысью, но пока общение с Нурией дается мне тяжело. – Зачем королеве за нас платить? Скажи еще, что ты с ней знаком!

Догадываюсь, что он смеется, но со спины непонятно, смех благосклонный или уничижительный.

– Все придворные королевы путешествует без гроша в кармане. Поэтому они совершенно не интересны разбойникам на большой дороге. Получив пищу и кров, придворный называет пароль, и хозяева выставляют счет для оплаты королевскому казначею.

Ага, что-то вроде кредита.

– Умно! И ты служишь при дворе? Королевским пастухом саблерогов?

– Не совсем.

– Тогда откуда у тебя пароль?

Поворачивается ко мне в седле, без предупреждения одаривая такой лучезарной улыбкой, что мурашки по коже.

– Допустим, я его украл. И что ты сделаешь?

Не вижу в этом ничего смешного, однако ловлю себя на том, что улыбаюсь ему в ответ. Рассерженно тряхнула головой: наверное, вышла не улыбка, а глупый оскал! Все царство за бойкий ответ! Ломаю голову несколько минут – и все равно на ум ничего не приходит. И только потом осознаю. Питер показал мне то самое, что видели воры на границе с Отрелией.

Он показывает себя не таким, какой есть на самом деле. И я на это попалась.

За следующие несколько дней мы проехали около двух десятков деревень. Обычно это маленькие поселения с деревянными домишками, но после леса здесь я чувствую почти гнет цивилизации.

– Деревни на те, что в Великобритании, – поделилась я после долгого молчания. – Великобритании эпохи позднего Средневековья, разумеется.

– Как скажешь. – Питер снова не идет на контакт.

– Это было несколько веков назад. Ну, я их именно так представляю. Теперь все выглядит иначе.

Мои надежды, что он начнет меня расспрашивать или хотя бы поддержит разговор, терпят крах. Питер ушел глубоко в себя, и стены отчужденности с каждым днем все больше меня расстраивают. А все духосветы виноваты! И столкнулся он с ними, защищая меня.

В этом крае люди живут просто, почти бедно – это крестьяне, скотоводы или рабочие с лесопилки. По дороге мимо нас то и дело проезжают запряженные лошадьми огромные повозки, на них перевозят бревна и пиломатериалы. Часто встречаются кузницы, каждую ночь мы останавливаемся на каком-нибудь мало-мальски уютном постоялом дворе. Питьевая вода – в колодцах, которые находятся рядом с храмами, их здесь много: даже в совсем маленьких деревушках есть хотя бы один. Храм сложен из бутовых камней – самое приметное здание в округе. Его стены часто украшены скульптурами и громадными пейзажами. И у любого храма справа от главных врат есть дверца, откуда несколько ступенек ведут в темную прохладную кладовую.

– Лиаскай заботится о путешествующих и нуждающихся, – пояснил Питер, когда мы запаслись в одной такой кладовке, как в магазине. Только кассы я не увидела. – Можешь брать все, что тебе нужно. Для этого и существуют такие провианты.

– И никто не злоупотребляет? – недоверчиво интересуюсь я.

– А кто посмеет обмануть Лиаскай? – насмешливо возражает Питер.

Покинув кладовую с буханкой хлеба, двумя яблоками и сыром, я поймала несколько очень недовольных взглядов.

– Не обращай внимания. – Питер тоже заметил, как на нас смотрят. – Они считают, все, кто взял еду из кладовой, обязаны помолиться в храме.

– А ты не молишься?

– Нет.

– Может, зайдем ненадолго помолиться, чтобы не злить окружающих? – предлагаю я.

Очень скептически отношусь к этой странной религии, но раз, по громкому заявлению Питера, я нахожусь в постоянной опасности, то должна разыгрывать из себя местную жительницу. Но люди здесь усердно трудятся – наверное, именно они пополняют кладовую. Однако Питер остается при своем кратком «нет».

Все думаю: «Ну что такого я натворила, почему он только перемолвится со мной словечком-другим, почему больше не разговаривает?» Я спросила его прямо, но его ответ больно ранил.

– Чего тебе нужно? Я веду тебя в твою дурацкую Рубию! – процедил Питер.

Отчего меня так задевает его холодность? Я его совсем не знаю! Да, порой мне кажется, что я узнаю его из тысячи других… Хотя бы по тому, что он постоянно ищет опасность. Но я ничего не знаю о Питере. Только то, что он пасет саблерогов, но не думаю, что это правда. Что ему по душе? Кто ему дорог? Есть ли у него семья, друзья? Любит ли он кого-нибудь?

Чувство, что я его знаю, иррационально, оно возникло из-за нашего совместного путешествия, пройденных приключений, к тому же мы долго находились рядом, спали под одной крышей. Как бы странно это ни звучало, но человеку сложно заснуть в присутствии незнакомца: он должен ему доверять. Даже в самом начале, когда умом я боялась Питера, сердцем уже доверяла ему.

И даже забыла, что «Питер» не его настоящее имя.

Наверное, от него не укрылось, что теперь я гляжу на него иначе. Что даже в темноте замечаю в его зеленых глазах золотые искорки, что отслеживаю жилы на его руках, словно

линии на карте, смотрю на его задумчивую улыбку. Мог заметить, что я пытаюсь прорваться сквозь тьму, которая окутывает его с тех пор, как мы вышли из леса.

Может, я ему неинтересна и мое любопытство его бесит. Я подобралась к нему слишком близко, а он не хочет этой близости.

С этим легко примириться, ведь наше путешествие почти окончено. Но бывают мгновения, когда я чувствую: все не так просто. То Питер силится мне улыбнуться, хотя видно, что ему не до улыбок, то я ощущаю, что он скользит взглядом по моим губам, ключицам, рукам. По ночам мы оба притворяемся спящими, и я осязаю, как он лежит без сна, слушая мое дыхание, словно хочет сказать мне что-то, когда я засну. Никогда не выясню, правдивы ли мои догадки… Наутро ощущение исчезает, будто растворившись в свете дня.

Через десять дней пути мы оказываемся на вершине холма. Перед нами раскинулась долина, за ней на многие километры простираются холмы, поросшие синим и лиловым вереском, и серебристые песчаники. Справа, на западе, холмы переходят в горы, на востоке спускаются в равнины, где я вижу черные точки – пасущихся животных.

– Посмотри на юг, – произносит Питер, и я прикрываюсь рукой от солнца, которое заходит за горами.

– Там что-то горит? – спрашиваю я, сразу смекнув, что огонь очень чудной: багряное пламя и никакого дыма.

– Там Рубия. Ты разглядываешь Рубиновый дворец.

Мы еще довольно далеко, а у меня уже дыхание перехватило: зрелище на горизонте впечатляет! Этот дворец даже дворцом не назовешь! Видно только сверкающие и искрящиеся рубиново-алые переливы на фоне темного неба.

– Мы добрались быстрее, чем я полагала. – Благодарно улыбаюсь Питеру. – Мы почти на месте.

Он мотает головой:

– Напрямую проехать не выйдет. Холмы горят.

– Холмы *горят*? – недоверчиво проговариваю я.

А на вид – ничего страшного. И путешествовать по холмам приятнее, если сравнивать с дремучими лесами или каменистыми пустошами, мимо которых мы проезжали ранее.

– Расскажи про них! – прошу я.

Поговори же со мной, пожалуйста! Хотя бы в последний день нашей поездки! Содрогаюсь, стоит мне подумать, что в Рубии буду совсем одна.

Спешившись, завязываем поводья в гривах лошадей, чтобы не мешали, и отпускаем пастись. Сидим на полянке, разложив скудный провиант. И тут Питер заговорил:

– Еще столетие назад соседняя страна Кеппох владела горами на западе, там добывали руду и камень. Граница проходила по холмам, однако кеппоханцы открыли здесь богатейшие залежи угля. Запомни, они благоговеют перед огнем и почитают его.

– И из-за территории начались распри? – догадываюсь я.

Питер кивает.

– Кеппох не устоял перед углем. Тайно собрали войско, послали его по узким потайным тропкам через горы в Лиаскай, и там генерал армии Кеппоха, обратившись к нашей стране, поклялся предать все огню и утопить в крови, если Лиаскай не уступит территории добровольно. – Лицо Питера потемнело. – И речь не о пейзаже, который ты видишь сейчас. Раньше здесь были деревни. Здесь проживали сотни людей.

Я сглатываю ком в горле. Такие истории ничем хорошим не заканчиваются. Но мне гораздо легче, чем в предыдущие дни, ведь наконец-то, наконец-то я узнаю того самого прежнего Питера! Он говорит со мной, что-то рассказывает.

– Королева Лиаскай разозлилась и послала на защиту земель воинов. Армии не пришлось далеко идти: кеппоханцы заметили ее приближение. И генерал Кеппоха приказал своим солдатам убить сотни невинных жителей, дабы продемонстрировать свою решимость.

Обвожу взглядом холмы. Как страшно – место, где произошли такие ужасающие события, выглядит мирным…

– Ну, ты представляешь, в какую ярость пришла королева, – повествует Питер. – Но ее гнев – ничто по сравнению с гневом Лиаскай. И Лиаскай отправила воинов на защиту. Кеппох наблюдал за собирающейся бурей. Небеса затянуло черными тучами, но из них не пролилось ни капли дождя. Нет, из них били молнии, поражавшие солдат Кеппоха – одного за другим! Все окрестности запылали в пожаре, а те, кого не испепелили молнии, погибли в огненной стене, воздвигнутой бурей до самых гор. Уничтожив всех – всю армию Кеппоха, – Лиаскай вонзила последнюю яростную молнию в землю, словно меч в тело вражеского генерала. Молния запалила подземный уголь, и он вспыхнул. Он до сих пор горит под землей. Над некоторыми местами, если подойти ближе, можно заметить клубящийся дым. А где-то земля разверзается, и ты проваливаешься в преисподнюю.

По коже бегут мурашки.

– Ты веришь, что это правда?

Питер ложится на спину, кладет руки за голову.

– Я встречал одного старика, который видел огненную бурю собственными глазами.

– Думаешь, это правда сотворила Лиаскай? – выспрашиваю я.

Он вздыхает.

– Вера – дело особое, Майлин. А я скептик.

Это бросается в глаза. И разделяющих его позицию здесь мало, как атеистов в католической Ирландии.

– Легко верить в то, что приносит пользу. Люди верят, потому что это вселяет в них надежду. Они наделяют Лиаскай силой и мощью, ожидая, что, когда они будут нуждаться, она вернет им немного.

– Как еда в храме? Что насчет этого?

А этот способ солидарности и впрямь работает!

С минуту Питер размышляет, затем ерошит свои волосы.

– Ничего, конечно, ничего. Никто больше не верит в себя, за маленьким исключением. – Он улыбается, но как-то отрешенно, глубоко уйдя в свои мысли. – Но что с того?

Вечером мы вместе сидим у огня, быть может, в последний раз. Не знаю, это страх неизвестности или иное чувство, но в груди тесно.

Снова и снова прокручиваю в голове наш разговор. Мне грустно, но, оборачиваясь назад, я понимаю, что впервые заглянула за темноту, которая скрывает Питера. Тьма будто вплавлена в его кожу, но не охватила его всего. И только сейчас до меня дошло, что сегодня Питер впервые назвал меня по имени. Не думала, что он его помнит…

– Завтра ты будешь в Рубии, – негромко говорит Питер. Подбрасывает в костер ветки, и огонь трещит. – У тебя есть план? Что делать дальше?

– Ты сказал, там я буду сама по себе, – откликнулась я. Голос, как назло, сипит.

– Я не могу тебе помочь, – отвечает он, стараясь не смотреть на меня. У него голос подавленный.

Взгляни же на меня своими зелеными глазами! Такое ощущение, что вот-вот потеряю друга. Незнакомого друга.

– Говоря честно, – признается он, – я не особо верю, что ты найдешь междумирца. Тем более такого, который согласится помочь.

– Ну и? И какая тебе польза от этих мыслей?

Усмехается, потому что я говорю его словами.

– Тогда от тебя отделаюсь.

Он что, подтрунивает надо мной?

– Ну вот завтра отделаешься.

– Точно. Почему ты так уверена, что у тебя получится?

Вот оно! Наконец-то он снова взглянул на меня! Мимолетно, застенчиво и так напряженно, что у меня сбилось дыхание. Я чувствую, он страшится моего ответа! И мне становится ясно: да, я его не знаю, но и он меня тоже!

– Я не могу бросить сестру, – объясняю я, думая, что могу довериться ему чуть больше. – Мир, откуда я пришла, жесток, а Вики слишком кроткая.

Медленно кивает.

– Расскажи о ней еще. Пожалуйста.

В сомнениях я смотрю в огонь, как и Питер.

– У меня есть братья, – тихо произносит он. – Три младших брата. Я за них в ответе, но у меня плохо выходит. Тут нужна решимость, а она от меня… ускользает. Расскажи, откуда у тебя такая решимость. Если можешь.

От его слов сердце сжалось. *Если можешь.* Что он творит? Загнал меня в угол, а теперь показывает путь, предлагая пройти мимо него. Только я не хочу отступать.

– Вики в бодрствующей коме. – Бросаю на Питера короткий взгляд. Он сидит с непроницаемым лицом. – Знаешь, что это такое?

– Нет.

– Вики постоянно спит, но с открытыми глазами. Она здесь, но в то же время далеко отсюда. Наша мама упахивается на работе, чтобы сводить концы с концами. Поэтому я им нужна, понимаешь? Особенно Вики.

– Как это случилось? – интересуется Питер. В лесу у него за спиной ухает сыч.

Когда я в последний раз делилась этим с кем-нибудь? И делилась ли вообще?

– В конюшне. Мы в стойлах чистили своих пони перед тренировкой. И внезапно – удар. Совсем тихий, стойла устилала солома. Но я отчетливо его слышала. По конюшне проскакал ее пони. Я жутко перепугалась. Начала звать Вики. Но она не откликнулась.

– И не откликалась больше никогда… – шепчу я, сдерживая подступающие слезы. Хотя зачем? Завтра мы с Питером разойдемся и никогда не встретимся вновь. Ну, заметит он, как я реву, захлебываясь в соплях и слюнях, – что с того?

– Тогда я бросилась в стойло к Вики. Плохо уже помню. Но она лежала там. С распахнутыми глазами. На соломе.

– Это был несчастный случай? – предполагает Питер. – С лошадью?

Мотаю головой, слезы текут по носу, по подбородку.

– Сначала мы тоже так думали. Но Вики обследовали, и врачи не выявили ничего. Никаких следов от удара копытом. Ни малейшей царапины! Ничего, объясняющего ее состояние. Она просто заснула.

– Когда это произошло?

– Через месяц, нет, через три недели будет семь лет. Вики было двенадцать. Мне десять.

Поднимаю глаза на Питера – взгляд у него пустой.

– Тебе, наверное, было очень страшно. Когда мой… – Он умолкает на середине фразы. Поднявшись, берет хворост, который мы собрали, и подкладывает в огонь.

– Ты хотел что-то сказать? – любопытствую я.

– Нет, ничего.

Он садится, скрестив ноги, у огня, совсем рядом со мной.

Разочарованно вздохнув, утираю слезы рукавом. Много же я выболтала. Но видимо, честного обмена между нами быть не может. Он, и так убил на меня кучу времени. Однако меня обуревает странное чувство: абсурд какой-то – подарить ему что-то важное, когда наши пути

разойдутся. Идея меня пугает. Разглядываю Питера, думаю, для чего вспыхнуло во мне это чувство. И для кого? У Питера симпатичное лицо и хорошая фигура. Но что скрывается за этим – не ведаю. Может, дело в стрессе, и я цепляюсь за Питера, потому что долгое время, кроме него, людей рядом не было.

– Возможно, – заговаривает Питер, взяв ветку и бросив ее в огонь, – тебе следует еще раз как следует обдумать план. – Хочу перебить его, но он пристально на меня смотрит. – Майлин, ты подвергаешь себя опасности. Если люди узнают, откуда ты пришла, если узнают, что ты собираешься обмануть Лиаскай, – пощады не жди. Закончишь в Бездонном Ущелье или станешь трофеем в сверкающем дворце. Они покорны сумасшедшей, которую зовут своей королевой, и молятся тому, чего не существует.

– Религию всегда сложно понять, и я никому не скажу, откуда пришла. – Отмахиваюсь от его слов. Но я под впечатлением. – И с чего ты заботишься обо мне? – Пытаюсь усмехнуться. – Я не очень плохая попутчица?

– Бывают и хуже. – Он криво улыбается.

Сердце у меня сжалось.

– Но мне нужно в Рубию.

Однако Питер не сдается.

– Я бы поклялся найти тебе междумирца. Но это будет неправда. Могу пообещать другое: если в Лиаскай есть междумирец, который не предан всей душой королеве, я его разыщу.

Чувствую, что он это серьезно, такое обещание. Значит, не хочет, чтобы завтра наши пути разошлись, а значит… Тут я совсем запуталась. Слишком много радикальных заявлений!

– Спасибо, но я сама справлюсь, – отказываюсь я как можно тактичнее.

Не может, не может он так со мной поступить! Он долго молчал, зачем же теперь встревает?

– Возможно, это хорошо, что завтра наши пути разойдутся.

Он разочарованно кивает.

– Без сомнений. Но…

– Но почему? Да потому что ты психопат! Забыл, как меня чуть не слопала могильная линнея?

Несколько дней назад почти не думала об этом, но теперь меня прорвало – словно рана, затянувшаяся снаружи, загноилась внутри и воспалилась.

– А вот я помню! Ты просто смотрел, хотел выяснить, получится у меня или нет! Это нездоровый интерес! А теперь ты говоришь мне такое и еще удивляешься…

– Я боялся, – перебивает он меня так тихо, что можно сказать: мне почудилось. По крайней мере ему хватает такта отвести взгляд, а не зыркать прямо на меня. В отсветах огня его волосы кажутся не каштановыми, а цвета осенней листвы.

– Кого, меня? Ну да, прекрасно понимаю! Обычно я выгляжу весьма устрашающе, когда борюсь за свою жизнь с ветвями плотоядного дерева!

– Ты не знаешь Лиаскай, Майлин. Замечательнейшие существа здесь частенько вынашивают коварные планы. Они показывают тебе то, что ты отчаянно желаешь, прикидываются, что исполняют твою мечту, – и заманивают в капкан.

Поддаюсь вперед, чтобы опереться на руки, и тут мое лицо оказывается совсем рядом с его лицом. Так близко. Могу сосчитать его ресницы или золотые искры в глазах.

– Раз так, я признательна тебе, что ты – герой и мне помог.

Питер очень медленно поворачивает голову в мою сторону, давая мне время отстраниться. Время, которым я не воспользовалась. Уголки его губ ползут вверх, но улыбка вышла безрадостной.

– Я не герой, – тихо отрицает он. – В какой-то момент капкан захлопывается. И ты попадаешься.

Сердце стучит. Не сильно, но быстрее обычного.

– Почему?

– Потому что веришь, – читаю слова по губам – так тихо он шепчет, – оно того стоит.

Он говорит не обо мне. Конечно, нет! Он говорит о *себе*. Он то самое существо, которое попало в капкан. А я собираюсь сбежать, упустив единственный шанс обрести нормальную жизнь, мою семью, Вики! И все из-за лжеца с золотыми искорками в глазах.

Поднимаюсь, чтобы уйти.

– Спасибо, что предупредил, Питер.

Я говорю искренне.

Глава 13

Пульсирующее сердцебиение Рубии ощущается далеко за воротами города, уже на крестьянском дворе, где Питер оставил наших лошадей. Н-да, погодка здесь совершенно непредсказуемая! То свинцовые тучи проносятся над нами грозой, то накрапывает дождь. Несмотря на это, дорога заполнена людьми, животными и повозками. Повезло же с базарным днем! Питер намекнул, что иначе нас не пустили бы в город. У первой стены, представляющей собой деревянный частокол, нас обыскали, и у Питера отобрали нож. Пока он договаривался со стражей, чтобы нож сохранили целым и невредимым, я осмотрелась кругом. В заборе через каждые двадцать метров – наблюдательные башни. Наверху прохлаждаются дозорные, пересмеиваются, кое-кто засматривается на девушек. У каждого при себе арбалет или лук. И что, люди чувствуют себя здесь в безопасности? Разглядываю оружие, вспоминая слова Питера. Задачка у меня не из простых, я подвергаю свою жизнь невообразимой опасности.

– Можем идти дальше, – объявляет Питер.

Нас подхватывает поток людей и несет в город. Я удивлена, что Питер все еще со мной, но вопросов не задаю.

Проходим жилой квартал, он ужасно похож на те деревушки, которые мы проезжали верхом, только здесь гораздо теснее. Садов нет, домишки лепятся один к другому. На грязных дворах копошатся куры, пасутся козы и привязанные коровы. Дорога не видна под слоем конских яблок и, судя по запаху, испражнений. Люди кучкуются у колодцев и храмов, переругиваясь: выбивают себе местечко получше.

– Такова цена безопасности и трудоустройства, – заметив мой взгляд, произносит Питер. А я просто недоумеваю: почему люди живут здесь? Деревни гораздо симпатичнее.

И снова перед нами частокол, гораздо выше и мощнее предыдущего.

– Рубия обнесена кольцами стен, – поясняет Питер, пока мы дожидаемся второй проверки. Ждать пришлось долго, потому что перед нами обыскивали арбу.

Пожилой стражник требует от меня какое-то городское свидетельство. Отвечаю, как наказал Питер:

– Я просто на базар…

– Тогда, надеюсь, у тебя много деньжат и ты не собираешься продать кое-что другое, – замечает он. Мне не нравится его тон, есть в нем что-то похабное.

– Эй, оставь мою девушку в покое! – рявкает на стражника Питер.

Я бросаю на стражника гневный взгляд, хотя на самом деле злюсь на Питера. Сначала *милая*, теперь *его девушка*?!

Питер хватает меня за руку и тащит дальше.

– Извини, – бормочет он. – Страже велено перехватывать молодых женщин, которые ищут сутенеров. Или хотят продаться сами.

– Я что, похожа на проститутку? – пошутила я, но он не засмеялся.

В этой части города так же суетно и шумно, как и в предыдущем кольце, однако просторнее и немного чище. Вдали ослепительно сверкает храм. Подойдя ближе, я понимаю, что его стены – наподобие мозаики – украшены осколками зеркала. Люди терпеливо ждут, чтобы войти в святилище, а над входом висит надпись на незнакомом языке. Прошу Питера ее перевести, на что он, закатив глаза, произносит:

– «Узри Лиаскай в своем отражении».

Он все еще крепко сжимает мою руку. Или это я стиснула его ладонь? Чем дальше, тем тревожнее у меня на душе. Как же я справлюсь одна, в этом чужом мире? Но разве у меня есть выбор? Здорово, что Питер сейчас рядом, но, увы, мы не сможем держаться за руки вечно.

Миновав еще двое ворот, мы оказались в кольце, где развернулся базар. Вокруг шум и гам, а в нос бьют разнообразнейшие запахи! Вот жаренные в масле слойки. А вот зазывалы предлагают купить шелка. И вареная сладкая кукуруза…

– Обойди весь белый свет – ничего вкуснее нет!

Детишки, которые зовут матерей, свежеиспеченный хлеб, блеющие овцы, пахучие специи, ругань покупателей, сыр, живность в клетках или на веревках и невероятная толпа народу! Ветер гонит по улицам обрывки упаковочной бумаги и прочий мусор. Иногда мимо нас, чеканя шаг, маршируют вооруженные гвардейцы или городская стража, а затем я впервые вижу верхом на лошадях королевских воинов – по словам Питера, это королевская элита, шутки с ними плохи, их надо особенно остерегаться. На всадниках голубые мундиры, а закрывающие лицо маски напоминают мне экипировку для кэндо. Однако меня ужасно смущают их взгляды. Не догадаешься, на кого они устремлены. Эти всадники следят за нами?

Питер делает вид, будто спокоен, но я неплохо его знаю и не ведусь на внешнюю невозмутимость. Не просто же так он отводит взгляд и смотрит в другую сторону, пока всадники проезжают мимо нас.

Минуту-другую я дико озираюсь по сторонам, сталкиваясь с людьми и шарахаясь от любого шума. Как я хочу обратно в лес!

– Нужно время, чтобы привыкнуть, – обнадеживает меня Питер. Отпустив мою руку, он указывает на массивные непробиваемые ворота, единственный проход через исполинские гранитные стены. Но ворота заперты. – Там королевский двор Лиаскай. Если кто и в состоянии вернуть тебя домой, то он находится за этими стенами.

– И как мне туда попасть?

Питер пожимает плечами.

– Ответ: «Никак». Тебя устроит?

– Нет. И тебя не устроил бы, будь ты на моем месте.

На лице Питера мелькает неуверенность, но он тут же это скрывает.

– Для начала стоит поискать в храме. Люди ужасно любят поболтать и до, и после молитвы. Молитва развязывает язык. Только не наделай глупостей. Будь начеку!

Удивленно оглядываюсь.

– Разве здесь есть храмы? В этом кольце я еще ни одного не видела.

– Есть один, очень почитаемый. Я тебе покажу.

«И затем уйдешь?» – проносится у меня в голове, а в горле образуется ком. Но Питер уже протискивается сквозь толпу, и я спешу следом, чтобы не потеряться.

С трудом пробираемся по рынку, который занимает кольцо почти полностью. Вокруг столько всего, я и не подозревала, что подобное существует! Вот торговец продает жеребят – стригунков, как мне сначала показалось. Но, приблизившись, я в изумлении открываю рот. Во лбах у жеребят тонкие, в легком пушку, рога. Нескладные жеребята отчаянно наскакивают на железную изгородь, но их копытца опутаны дополнительными цепями.

– Это же?..

Мельком взглянув, Питер подтверждает:

– Да, это саблероги. Какой позор.

– Что с ними?

– Их продадут, поднатаскают для боев и отправят на арену. Пока выигрывают, будут выступать.

Нет нужды спрашивать, какая судьба ожидает проигравших.

На деревянном прилавке – на таких обычно продают рыбу – я обнаружила кошку с большими перепончатыми крыльями летучей мыши. Крылья сложены у нее за спиной. В нескольких шагах сидит едва одетая танцовщица со змеей, и глаза у девушки точь-в-точь как у репти-

лии. Змеиный взгляд танцовщицы завораживает. Она долго и пристально смотрит на Питера. Затем приоткрывает рот, демонстрируя длинный раздвоенный язык.

– Только в базарный день в Рубии разрешены любые выступления и состязания, – объясняет Питер с невозмутимым равнодушием, так что невозможно сказать, что он вообще думает об экзотичной танцовщице. – Сегодня вечером будь особенно внимательна. Игры в самом разгаре, а они редко обходятся без трупов и раненых. Лучше найди гостиницу и не выходи из нее после наступления темноты.

– Но у меня нет денег…

– В твоей сумке лежит кожаный мешочек с парой-тройкой монет. Маловато, конечно, но на первые дни хватит.

– Я даже не знаю, как тебя благода…

– Не стоит. – Сегодня Питер не настроен на диалог. – Мы квиты. Ну, пойдем дальше.

О чем это он? Впрочем, не важно. В последний раз полюбовавшись танцовщицей со змеей, я тороплюсь за Питером. Пробегаю мимо гигантского черного волка, который по команде делает разные трюки, шипя на хозяина, будто какой-то тигр. Мимо тощих детей, подбрасывающих друг друга в воздух и ловящих обратно.

И тут мы видим сборище людей – они молча ожидают другую забаву. Не знаю какую, потому что передо мной лишь спины, плечи и вытянутые шеи. Но в промежутке между двумя зеваками я разглядела каменный помост, на нем рабочие возводили деревянное сооружение, смутно напоминающее виселицу. Успеваю заметить фигуру, накрытую темной тяжелой тканью, но в следующий миг ее опять заслоняют спины горожан. Во рту пересыхает. Они ведь никого не повесят, да?

Наблюдать, как кого-то казнят, – нет уж, увольте. Благодарю покорно. Однако ноги сделались ватными. Подобное ощущение бывает во сне, когда пытаешься бежать, но не можешь сдвинуться с места.

– Что там такое? – непослушными губами шепчу я. Вместо Питера мне отвечает стоящая рядом женщина. Лицо у нее прямо сияет.

– Новая статуя королевы!

– Сегодня годовщина свадьбы Ее Величества, неужто ты забыла! – добавляет другая горожанка, наверное, подруга первой.

Та вздыхает.

– Страсть как хочется посмотреть, какая она!

– Ну вот сейчас и посмотришь, – дружелюбно ободряю я. Какое облегчение, что никого не казнят!

Горожанки смеются.

– Глупышка, покрывало снимут только вечером!

– И ни одна женщина в здравом уме и твердой памяти не пойдет на открытие, будет жуткая давка! Но если повезет, сейчас мы увидим туфельки королевы! – подмигивает она мне. – Бывает, когда статую ставят на пьедестал, покрывало колышется.

Они расступаются, открывая мне обзор. То, что я приняла за виселицу, оказалось подъемным механизмом. А рабочие просто крепили веревки к завешенной статуе.

– Боже мой! Знаешь, а я-то думала… – начинаю я, со сдавленным смешком оборачиваясь к Питеру.

Но Питера позади меня нет.

Испугавшись, приподнимаюсь на цыпочки и даже подпрыгиваю, чтобы оглядеться. Питер рослый, метр восемьдесят или около того, он не мог в один миг затеряться среди людей! Высоких здесь мало! Когда же я видела его в последний раз?! Разве он не заметил, что я остановилась? Краем глаза вижу, что статую поднимают в воздух и подносят к пьедесталу.

Женщины восторженно визжат, мужчины перешептываются. Не сразу осознаю, что горожанки окликнули меня:

– Погляди, вот ее туфельки! Белые! Из белого мрамора!

И тут лица зевак искажает ужас, не знаю почему, да и не до того мне сейчас. Сердце бешено бьется. Питер не мог просто уйти – уйти, даже не попрощавшись! По-хорошему, надо бежать, поискать его в толпе! Но вдруг он тоже ищет меня, и так мы разминемся… Вдох-выдох. Вспоминаю, что наказывала мама Вики и мне, когда мы были маленькими: «Если потеряетесь, стойте на месте. Так я вас найду». Думать о маме в сложившейся ситуации тяжело. Я невольно всхлипываю, и горожанки с беспокойством оборачиваются ко мне. Но вдруг налетает сильный порыв ветра, кто-то кричит – и все, широко распахнув глаза, смотрят на статую. Ветер раздувает покрывало…

Балки издают угрожающий хруст, рабочие кричат что-то друг другу, множество рук подхватывают изваяние, удерживая его в правильном положении!

– Режь веревку! – перекрикивая гомон, командует кто-то низким зычным голосом. В голосе сквозит страх, и я прекрасно понимаю, чего тот человек боится. Вихрь вот-вот сломает подъемный механизм, и он рухнет прямо на толпу. А в худшем случае с ним же упадет статуя, и тогда первые ряды окажутся погребены под каменным изваянием! Я попятилась, не отрывая глаз от помоста. К счастью, рабочие послушались человека с низким голосом. Одни перерезают веревку, связывающую статую с подъемным механизмом, другие укрепляют деревянные леса дополнительными канатами и тянут в противоположную от толпы сторону.

Неожиданно налетает еще один шквал ветра, он срывает с горожан шляпы, треплет мои волосы, закрывая ими лицо, и сдергивает со статуи тяжеленное покрывало с такой легкостью, словно это пушинка!

Внезапно на площади воцарилась зловещая тишина. Люди замерли, словно сами обратились в камень. А затем одновременно рухнули на колени. Женщины, мужчины, даже рабочие и совсем маленькие дети.

– Как я и говорила – белые, – прошелестела одна из горожанок.

И только я осталась стоять. Прямо передо мной на постаменте возвышается двухметровая статуя из белоснежного искрящегося мрамора – мужчина и женщина. Мужчина склонил голову, а его ноги слегка согнуты, как будто он вот-вот опустится на колени.

– Белые! – тихо всхлипывает вторая горожанка. – О, добрая Матерь, доброе Утро, не так быстро, умоляю, не так быстро!

Мраморная женщина серьезно и величественно смотрит поверх моей головы куда-то вдаль. Суровый взгляд никак не вяжется с мягким изгибом пухлых губ – у меня голова идет кругом. Корона выполнена столь искусно, что кажется, будто в мраморе искрятся драгоценные камни.

Я знаю эту королеву. Даже если бы мы не виделись лет двадцать, я все равно узнала бы ее.

Это моя сестра.

Глава 14

Бывают ничтожные мгновения, которые по ощущениям длятся целую вечность. Я стою перед статуей своей сестры, не в силах стряхнуть оцепенение. Только губы шевелятся, шепча ее имя. Ее имя, снова и снова.

Вокруг меня поднимается суматоха. Как сквозь мутное стекло вижу, что люди встали с колен и теперь мечутся из стороны в сторону, оживленно что-то обсуждая. Дети ревут, несколько человек быстро уходят. Рабочие опять набрасывают на статую покрывало. И лишь когда лицо сестры скрылось под темной тканью, я наконец пришла в себя.

Сомнения когтями впиваются в душу. Это правда статуя Вики? Она… нет, невозможно! Но ведь я здесь, а этого тоже не может быть. И мое чувство не лжет. Я бы никогда не спутала родную сестру с похожей на нее незнакомкой!

Кто-то меня толкнул, грубо, я едва не падаю, но успеваю уцепиться за руку прохожего:

– Подождите минутку!

Он совсем юный, почти мальчишка. Рубашка жутко грязная, а голову он не мыл минимум месяц. Мальчишка прячет руки за спину, засунув их глубоко в карманы, словно боится подцепить от меня какую-нибудь заразу. И таращится, словно дикий кот, которого загнали в угол, готовый в любой миг вцепиться в лицо.

– Помогите, пожалуйста! Эта женщина… – Беспомощно машу рукой на статую.

– К-королева? – с запинкой уточняет он. Видать, я его до чертиков испугала.

– Да-да, в точку, королева! – Я прочистила горло. – Как… как ее зовут?

Мальчишка издает лающий смешок, похожий на кашель.

– Она наша Королева. Ее Величество, как же еще?

– И она всегда была… Королевой?

Мальчишка задумался, пожал плечами и опять задумался.

– Ну, она вышла замуж, – наконец сообщает он. – Три года назад. Но она наша Королева, – загибает пальцы, – уже семь лет. А почему ты спрашиваешь?

Мальчишка в замешательстве трясет головой, а меня бросает то в жар, то в холод.

– Откуда ты такая взялась, раз не знаешь свою Королеву?

И тут, вспомнив предупреждение Питера, я опускаю руку.

– Прости. Я просто запуталась. Слишком много… много…

– Выпила слишком много эля?

– Выпила слишком много эля. Да, в точку.

Он опять качает головой. Скепсис, смешанный со снисходительностью.

– Шла бы ты лучше домой.

Я киваю.

– Да, так и сделаю. Спасибо.

Мальчишка сваливает. А меня трясет, аж зубы стучат. *Семь лет*. Мысль, что Вики здесь, пугает сильнее, чем все обитатели Жадного леса, вместе взятые.

Суматоха привлекла внимание нескольких королевских всадников. Сидят верхом на лошадях, как на троне, возвышаясь над людьми, безликие и отстраненные в своих масках. И один из всадников меня особенно нервирует. Под ним гарцует большой белый конь, морда его скрыта броней, которую украшает заостренный рог. Такое чувство, что этот всадник за мной следит. Я не вижу его глаз, но ощущаю взгляд. Лучше поскорее убраться отсюда. Мне надо к Вики.

Сначала попытаюсь найти Питера, вдруг у него есть идеи. Мы собирались в храм, может, он там ждет меня?

Спросив дорогу у прохожих, я скоро добралась до храма. Ох, даже предыдущее святилище с зеркальной мозаикой на фасаде произвело на меня глубочайшее впечатление, а от этого просто дух захватило! Высоченные стены выложены камнем бледно-розового и пурпурного цветов.

Перед входом выстроилась небольшая очередь, только Питера нигде не видно. Сомневаюсь, что он внутри, хотя кто его знает! Он же советовал расспросить людей в храме. Встаю в очередь, жду, прислушиваясь к разговорам паломников. Двое мужчин толкуют о своей работе на водопроводной станции. Какая-то женщина отчитывает сынишку за грязь под ногтями. Несколько девочек лет двенадцати-тринадцати перемывают кости учителю. Очередь продвигается быстро, и выясняется, что надо пройти контроль. А еще за вход в храм паломники обязаны заплатить. Один посетитель этим очень недоволен, а какая-то старушка раздраженно дребезжит, мол, в базарные дни всегда так, не нравится – возвращайся утром. Вход стоит шесть грошей, и я размышляю: оно мне точно надо? Даже не знаю, сколько у меня денег, поэтому лезу в сумку. Под ложечкой неприятно засосало: один из кожаных ремешков, державших сумку закрытой, распущен. Опустившись на корточки, стала рыться внутри, и тут меня прошиб холодный пот: кошелька-то нет!

Вот же гадство! Тот тип, которого я расспрашивала о королеве, он меня грабанул! Это он меня толкнул – классический ход – и поэтому при разговоре жутко нервничал! Трюк, старый как мир, ну почему же я попалась?! Потерянная, я бреду прочь от храма. Ветер бросает в лицо уличную пыль, которая больно жжет глаза.

«И что теперь?» – хочу прошептать, вскрикнуть, завопить в голос. Что теперь?! Что, во имя всего на свете, что мне теперь делать?!

Я не ору эти слова на всю улицу, лишь раз за разом прокручиваю их в голове. Присев у обочины, забиваюсь в безветренный угол и сжимаюсь в комочек. Крошечный и тихий. Я могу стать незаметной, если захочу.

Всю голову сломала, но напрасно! Питер как сквозь землю провалился, шанс, что я разыщу его в толпе, ничтожно мал. К тому же уговор он выполнил, привел меня в Рубию, он ведь с самого начала предупреждал, что в городе я буду одна! Может, мы и не разминулись вовсе, а Питер просто ушел? Что ж, он имеет право! Да, меня это ужасно злит. Я злюсь, но мне невероятно грустно.

Но слезами горю не поможешь. Почему я вообще сижу здесь, маленькая и слабая?! В Рубии я совсем не одна! Мне просто надо найти Вики! Она Королева – ну, вроде как Королева, – а значит, разыскать ее будет несложно.

Я решительно поднимаюсь на ноги, расправляю плечи и настрого запрещаю себе даже думать о том, что статуя просто очень похожа на Вики. Необходимо проникнуть за стены – в другое кольцо, в самое сердце Рубии, на королевский двор.

По пути понимаю, что на город спустился вечер. Среди танцоров и акробатов нет детей, а зазывалы убирают товары, освобождая место для деревянных помостов и арен. У стоек народ пьет эль, вино и виски, мне тоже предлагают выпить, и я чему-то радуюсь.

Ворота в каменной стене, окружающей королевский двор, все еще заперты. Я не сразу решилась тихонько постучать. Предостережения Питера клубятся в голове, точно похмелье после масштабного праздника. Но что мне остается делать? В конце концов, это ведь не запрещено! Я просто путешественница, иду к своей сестре.

Стою у ворот, а пальцы дрожат. В высоту ворота достигают метров пяти, а стены выше вдвое. Я сжимаю руку в кулак и осторожно стучу, но железо поглощает звук. Будто я и не стучала вовсе. Колочу по двери что есть мочи, так сильно, что пальцы пронзает болью. Что сказать, когда ворота откроют? «Привет, я сестра вашей Королевы, она дома?» А может: «Эй, прислуга, немедленно веди меня к Ее Величеству!» Или лучше представиться подругой Вики,

чтобы не пояснять, откуда я пришла? Если Вики действительно Королева – значит, я здесь *принцесса*? Какой абсурд!

Толку от размышлений никакого, потому что принцессе никто открывать не спешит. Барабаню кулаком уже не по-девичьи.

– Отойди от ворот! – раздается за спиной глухой голос. Я стремительно оборачиваюсь.

Всадник в маске подъезжает почти вплотную, его лошадь обдает дыханием мое лицо. Один из королевских воинов, хорошо хоть, что не тот странный, на белом коне.

– Живей! Топай отсюда! Проваливай!

– Мне нужно во дворец…

Увы, но этот дрожащий тонкий писк совсем не к лицу принцессе, прибывшей с визитом к родственнице.

– Проваливай! – упорствует всадник. На руках у него тяжелые перчатки, он дергает поводья, и лошадь переминается на месте, будто собирается меня затоптать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.